Антонъ Менгеръ
Профессоръ Вѣнскаго университета

Новое ученіе о нравственности

Переводъ съ нѣмецкаго
подъ редакціей
Ю. Д. ФИЛИПОВА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Изданіе Д. А. Казицына и Ю. Д. Филипова
1906

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.
Отъ редактора . . . . . III—VI
Предисловіе автора . . . . . VII—VIII

КНИГА ПЕРВАЯ.

Нравственность, какъ функція соціальныхъ силъ. Нравственность коллективная.

стр.
Глава первая. Нравственность и сила 1
Глава вторая. Существо нравственности 3
Глава третья. Соціальныя соотношенія силъ 6
Глава четвертая. Перемѣны въ соотношеніяхъ силъ 12
Глава пятая. Совѣсть 15
Глава шестая. Коллективная и индивидуальная мораль 18
Глава седьмая. Животныя 19
Глава восьмая. Расы и національности 22
Глава девятая. Государство и церковь 24
Глава десятая. Классы 27
Глава одиннадцатая. Партіи 29
Глава двѣнадцатая. Переходъ къ индивидуальной морали 31

КНИГА ВТОРАЯ.

Нравственность индивидуальная.

стр.
Глава первая. Воля и дѣйствіе 32
Глава вторая. Существо индивидуальной нравственности 34
Глава третья. Дѣйствія, опасныя для потомства . . . 37
Глава четвертая. Любовь къ ближнему 39
Глава пятая. Ложь 42
Глава шестая. Клятвопреступленіе 47
Глава седьмая. Корыстолюбіе. 49
Глава восьмая. Цѣломудріе 53
Глава девятая. Высокомѣріе 55

КНИГА ТРЕТЬЯ.

Объ улучшеніи нравственнаго строя.

стр.
Глава первая. Вступительныя замѣчанія. 59
Глава вторая. Христіанская этика 61
Глава третья. Этика Канта 64
Глава четвертая. Потусторонній міръ 66
Глава пятая. Этика Ницше 68
Глава шестая. Улучшеніе моральныхъ условій вообще 71
Глава седьмая. Народное образованіе 74
Глава восьмая. Демократизація политической іерархіи силъ 76
Глава девятая. Демократизація экономической іерархіи силъ 78
Глава десятая. Организація общественнаго мнѣнія . 81
Глава одиннадцатая. Заключеніе 83

ОТЪ РЕДАКТОРА.

Выпуская въ свѣтъ переводъ „Новаго ученія о нравственности“ Антона Менгера подъ своей редакціей, я долженъ оговориться. Авторъ стоитъ на соціалистической точкѣ зрѣнія въ томъ смыслѣ, что допускаетъ возможность коренного улучшенія нравственности лишь въ условіяхъ будущаго соціалистическаго строя: нравственность — это продуктъ соціальныхъ соотношеній силъ, а потому существенныхъ измѣненій въ ней можно ожидать только отъ реформы этихъ соотношеній, которую и призванъ осуществить грядущій соціализмъ. Что послѣдній принесетъ съ собою новую нравственность, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія, но еще большой вопросъ, будетъ ли эта новая нравственность лучше старой. Конечно, многое измѣнится къ лучшему. Отпадетъ все злое, что не можетъ ужиться съ широкимъ демократизмомъ, образующимъ самую сущность соціализма, и что порождается особенностями современнаго частно-правового и экономическаго строя. Но вмѣстѣ со злымъ отпадетъ и многое изъ того хорошаго, которымъ такъ силенъ современный строй и котораго нечѣмъ будетъ замѣнить.

Индивидуалистическое строеніе общества цѣнно тѣмъ, что оно развиваетъ въ своихъ членахъ сознаніе личной отвѣтственности. Всякому изъ насъ съ малолѣтства внушается мысль, что внѣшнія блага жизни распредѣляются въ этомъ мірѣ, если и не вполнѣ по соображенію съ заслугами каждаго, то во всякомъ случаѣ такъ, что трудъ и предпріимчивость открываютъ къ этимъ благамъ самый надежный путь,

а лѣнь и косность такой же путь къ обездоленію. Отсюда та ревность, съ которою каждый изъ насъ стремится использовать свои силы и способности для обезпеченія себѣ матеріальныхъ условій существованія, отсюда непрерывный экономическій и культурный прогрессъ народовъ, усвоившихъ индивидуалистическій принципъ, но отсюда и опасность пренебреженія чужихъ интересовъ, нарушающаго гармонію соціальнаго сотрудничества. Однако опасность эта въ значительной степени предупреждается съ одной стороны карающею десницею права, а съ другой воздѣйствіемъ общественнаго мнѣнія. Право предъявляетъ къ индивиду меньшія, общественное мнѣніе—большія обязанности по отношенію къ другимъ, но зато реакція перваго сильнѣе реакціи второго. Соотвѣтственно съ симъ индивидъ прежде всего стремится соблюсти обязанности, налагаемыя на него правомъ. Но и обязанности, налагаемыя на него общественнымъ мнѣніемъ, онъ страшится нарушить, чтобы не съузить сферы своихъ общественныхъ отношеній, широтою которыхъ опредѣляется успѣшность его дѣятельности, направленной на внѣшнія блага. Не дорожитъ общественнымъ мнѣніемъ только тотъ, которому нечего терять или который ни къ чему болѣе не стремится.

И такъ индивидуализмъ съ одной стороны обезпечиваетъ обществу энергію и иниціативу его членовъ, а съ другой заставляетъ послѣднихъ сообразовывать свои дѣйствія съ общественнымъ интересомъ. Такова основа устойчивости индивидуалистическихъ обществъ и причина ихъ необыкновенной живучести.

Что же взамѣнъ этого дастъ намъ соціализмъ? Тотъ стимулъ къ труду и предпріимчивости, который утверждается нынѣ на сознаніи личной отвѣтственности за индивидуальное благополучіе и на возможности для каждаго безгранично расширять сферу своего господства надъ внѣшними благами, соціализмъ пошатнетъ, ибо отвѣтственность за благополучіе ин-

дивида въ значительной степени переложится на общество, а господство надъ внѣшними благами будетъ ограничено тѣсными предѣлами. Но кромѣ стимула эгоистическаго, индивидомъ можетъ руководить въ его дѣятельности и стимулъ мутуалистическій или сознаніе общности индивидуальнаго и коллективнаго интересовъ. Трудно, однако, разсчитывать на этотъ мотивъ, ибо солидарность интересовъ существуетъ и теперь, и тѣмъ не менѣе никто ею не стимулируется,—не стимулируется потому, что между жертвами, которыхъ она требуетъ, и тѣми выгодами, которыя извлекаются изъ нея индивидомъ, нѣтъ рѣшительно никакого соотвѣтствія. И такъ есть много шансовъ къ тому, что энергія и инициатива, которыми по общему праву преисполнены дѣятели современныхъ индивидуалистическихъ обществъ, уступятъ мѣсто въ соціалистическихъ обществахъ позорной лѣни и убійственной косности. Что касается общественнаго мнѣнія, то и здѣсь дѣло получитъ неблагопріятный оборотъ. Опредѣляющее вліяніе общественнаго мнѣнія на поведеніе индивида не только не возрастетъ, но еще уменьшится, такъ какъ то или другое отношеніе этого мнѣнія къ поведенію индивида на долѣ его участія во внѣшнихъ благахъ отражаться не будетъ: какой бы славой данный индивидъ ни пользовался, все равно онъ получитъ отъ государства эквивалентное своему труду количество благъ. Если, однако, общественное мнѣніе утратитъ свою силу надъ индивидомъ, то, при отсутствіи другихъ регулирующихъ его поведеніе факторовъ, для соціалистическаго общества возникнетъ опасность разрыва всѣхъ нравственныхъ связей, опасность нравственнаго вырожденія.

Въ виду изложенныхъ соображеній мы рѣшительно отказываемся вѣрить автору, чтобы такъ наз. „соціальное государство“ гарантировало *улучшеніе* нравственности.

Тѣмъ не менѣе книга Антона Менгера заслуживаетъ вниманія. Взглядъ на нравственность, какъ на продуктъ гос-

подствующихъ соціальныхъ силъ, открываетъ широкое поле для изслѣдованія. Популяризацію этого взгляда въ Россіи мы считаемъ особенно полезной, почему и выпускаемъ въ свѣтъ настоящій переводъ.

Юр. Филиповъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ АВТОРА.

Философія за тысячи лѣтъ своего существованія изображала намъ только воззрѣнія богатыхъ и могущественныхъ на теченія міровыхъ событій. Первоначально всѣ классы объединялись общимъ религіознымъ міросозерцаніемъ, когда же впослѣдствіи въ слояхъ населенія, болѣе развитыхъ духовно, сталъ создаваться самостоятельный взглядъ на міръ и человѣка, то философы были поставлены въ необходимость положить въ основаніе своихъ теорій мнѣнія высшихъ общественныхъ круговъ, къ которымъ они сами почти безъ исключенія принадлежали. И какъ могли бы гордые философы древности, какъ аристократъ Платонъ или воспитатель царя Аристотель, снизойти къ тому, чтобы кристаллизировать въ своихъ системахъ взгляды рабовъ и толпы на теченіе міровыхъ событій. Въ такомъ же положеніи, вслѣдствіе по существу тождественныхъ условій, осталось дѣло и по сей день.

Всего рѣзче, само собою разумѣется, выступила противоположность между высшими и низшими въ области права и нравственности; и въ дѣйствительности, философское ученіе о правѣ и нравственности сыздавна отличается крайней односторонностью. Но и остальныя сферы философіи—теорія познанія, метафизика и даже нѣкоторыя части натурфилософіи—находились подъ сильнымъ вліяніемъ указанной противоположности. Выборъ проблемъ, ихъ обработка, неудобопонятное изложеніе налагаютъ на всю извѣстную доселѣ намъ философію либерально-аристократическую печать.

Только со времени возникновенія соціализма, въ XIX вѣкѣ,

сила и самосознаніе низшихъ классовъ населенія настолько возросли, что стало необходимымъ и возможнымъ обосновать настоящую народную философію. И на самомъ дѣлѣ Сенъ-Симонъ, Фурье и ихъ ученики, наряду съ собственно-экономическими вопросами, трактовали также проблемы этическія, метафизическія и теоріи познанія. Но старый англійскій и новый нѣмецкій соціализмъ сосредоточиваютъ свое вниманіе на немногихъ экономическихъ вопросахъ, которые, правда, принадлежатъ къ важнѣйшимъ элементамъ соціалистическаго міросозерцанія, но которые далеко не исчерпываютъ всего содержанія его. Безъ всякаго поэтому основанія называютъ этотъ неполный и односторонній соціализмъ „научнымъ".

Въ моемъ „Новомъ ученіи о государствѣ" я разработалъ соціалистическую систему права; теперь я выступаю съ „Новымъ ученіемъ о нравственности", которое имѣетъ своей цѣлью изложеніе соціалистической системы морали въ ея наиболѣе общихъ чертахъ. Въ скоромъ времени я предполагаю выпустить въ свѣтъ „Ученіе о народной политикѣ" и затѣмъ „Теорію познанія". Обѣ эти работы будутъ исходить изъ той же соціалистической точки зрѣнія *). Что же касается обработки остальныхъ философскихъ дисциплинъ, въ духѣ широкихъ народныхъ массъ, то, въ виду моего преклоннаго возраста, я завѣщаю ее болѣе молодымъ силамъ. Только когда будетъ закончена въ цѣломъ философская система соціализма, обнаружится съ очевидностью, что наша современная философія, хотя и покоющаяся на мнимо объективномъ опытѣ или даже на апріористическомъ познаніи, въ сущности отражаетъ въ себѣ рѣзкія противоположности, характеризующія наше общество.

Вѣна. Іюнь 1905 г.

Авторъ.

*) Этимъ обѣщаніямъ не суждено исполниться, такъ какъ въ январѣ этого года (1906) Антонъ Менгеръ скончался.

Ред.

КНИГА ПЕРВАЯ.

Нравственность, какъ функція соціальныхъ силъ. Нравственность коллективная.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

НРАВСТВЕННОСТЬ И СИЛА.

Всякая нравственность—реализуется ли она государствомъ, церковью, общественнымъ мнѣніемъ или другими факторами силы [1]),—предполагаетъ свободу воли и дѣйствія. Для того, чтобы признать человѣка юридически, религіозно или соціально отвѣтственнымъ за тѣ или другія его дѣйствія, необходимо допустить, что онъ совершилъ ихъ по своему свободному выбору. Землетрясенія, метеорологическія пертурбаціи и т. п. стихійныя явленія оказываютъ часто неизмѣримо болѣе глубокое вліяніе на судьбы человѣчества, чѣмъ безнравственныя дѣйствія, и однако явленія эти никогда не обсуждаются съ нравственныхъ точекъ зрѣнія.

Но эта свобода человѣческой воли, на которой базируютъ столь многія правовыя, религіозныя и соціальныя учрежденія, превращается повсюду, вслѣдствіе властнаго воздѣйствія соціальныхъ силъ, въ свою противоположность. Естественныя условія развитія внѣдряютъ человѣка въ семью, которая, защищая, въ то же время подчиняетъ его руководству родителей и опекуновъ. Власть эта переходитъ затѣмъ въ значительной степени къ школѣ, послѣ прохожденія которой для широкихъ массъ обычно начинается періодъ подготовленія къ будущей профессіи. Далѣе слѣдуетъ для мужчинъ—военная

---

[1]) Ср. указанныхъ въ моей «Neue Staatslehre» (I, 7) представителей теоріи власти въ сферѣ права и морали.

служба, для дѣвушекъ—замужество, съ которыми несвобода юношескаго возраста не только не прекращается, но нерѣдко даже усиливается. И когда, наконецъ, индивидъ достигаетъ того, что въ гражданскомъ обиходѣ называется обыкновенно самостоятельностью, то дѣйствіями его какъ бы при помощи невидимыхъ нитей начинаютъ управлять профессія со всѣми примыкающими къ ней соотношеніями силъ, государство и церковь. Такимъ образомъ, широкія массы населенія во всѣхъ странахъ юридически и морально не свободны, и существуетъ лишь немного людей, относительно поведенія которыхъ вопросъ о свободѣ воли можетъ быть вообще возбуждаемъ [1]).

Но разъ это такъ, разъ якобы самоопредѣляющимся индивидомъ управляютъ дѣйствующія извнѣ соціальныя вліянія, разъ онъ представляетъ собою своего рода маріонетку изъ кукольнаго театра, то вопросу о свободѣ человѣческой воли нельзя уже придавать того значенія, которое ему нерѣдко приписываютъ. И въ самомъ дѣлѣ, какую же важность можетъ имѣть свобода воли, если каждое отдѣльное лицо во всѣхъ своихъ болѣе существенныхъ дѣйствіяхъ опредѣляется и направляется окружающими его условіями? Въ болѣе значительныхъ практическихъ вопросахъ, какъ это подтверждаютъ и многочисленныя статистическія наблюденія,—человѣкъ оказывается во власти соціальныхъ соотношеній, совершенно независимо отъ того, признаемъ ли мы его теоретически свободнымъ или несвободнымъ.

Въ доказательство свободы человѣческой воли нерѣдко дѣлается ссылка на нѣкоторыя незначительныя дѣйствія, которыя, будучи далеки отъ круга широкихъ интересовъ человѣчества, совершаются повидимому вполнѣ свободно и независимо отъ какого бы то ни было вліянія. Такъ говорятъ: когда кто-либо выходитъ изъ дому, то онъ несомнѣнно можетъ вѣдь по своему усмотрѣнію пойти налѣво или направо. Насколько, однако, правильно это утвержденіе? Полагаю, что въ будни онъ навѣрное повернетъ направо къ своей мастерской, а въ воскресенье—налѣво къ мѣсту, гдѣ можно погулять или вообще отдохнуть и развлечься. Но если бы даже приверженецъ свободы человѣческой воли не пожелалъ признать такого рода незначительныя дѣйствія несвободными, то

---

[1]) Ср. *Paulsen*, Systematische Ethik. II, 9.

остается все-таки несомнѣннымъ, что практически важныя дѣйствія человѣка опредѣляются соціальными соотношеніями силъ.

Этика учитъ, стало быть, не тому, что человѣкъ обязанъ дѣлать,—какъ думаютъ многіе моралисты,—а тому, что онъ дѣлаетъ въ дѣйствительности и долженъ дѣлать въ силу соціальныхъ соотношеній. На этихъ страницахъ я постараюсь прежде всего (кн. I и 2) набросать какъ бы статистическую картину нравственнаго состоянія человѣческихъ общеній и отдѣльныхъ лицъ, оставляя пока въ сторонѣ этическіе идеалы и постулаты. Такъ какъ, однако, это приведетъ насъ къ выводу, что соотношенія соціальныхъ силъ и вмѣстѣ съ тѣмъ современное состояніе нравственности направлены ко благу ограниченныхъ общественныхъ круговъ, то намъ предстоитъ затѣмъ (кн. 3) выяснить средства, при помощи которыхъ можно было бы достигнуть того, чтобы сила и нравственность служили интересамъ всѣхъ. Здѣсь займутъ подобающее имъ мѣсто также и этическіе идеалы и постулаты.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

СУЩЕСТВО НРАВСТВЕННОСТИ.

Нравствененъ тотъ, кто приспособляется къ соціальнымъ соотношеніямъ, безнравствененъ—тотъ, кто имъ сопротивляется, а такъ какъ соціальныя соотношенія съ теченіемъ времени измѣняются, то часто случается, что лица и дѣйствія, которыя сегодня удостаиваются похвалы и удивленія, завтра вызываютъ отвращеніе и порицаніе.

Особое положеніе занимаютъ въ отношеніи нравственной ихъ оцѣнки историческія личности. Память о нихъ переживаетъ величайшія измѣненія въ соціальныхъ соотношеніяхъ,—при чемъ нерѣдко эти измѣненія обусловливаются ихъ вліяніемъ. Отсюда—огромныя колебанія въ моральной оцѣнкѣ такихъ дѣятелей въ разныя времена и у разныхъ народовъ.

Такъ, напр., Христосъ встрѣтилъ въ первые вѣка нашей эры весьма неблагопріятную оцѣнку со стороны греко-римскаго язычества, и даже такіе выдающіеся въ духовномъ отношеніи люди, какъ Тацитъ и Плиній Младшій, говорятъ о немъ и

его ученіи съ нескрываемымъ пренебреженіемъ [1]). Но когда христіанство побѣдило языческое міровоззрѣніе и само сдѣлалось основою соціальныхъ соотношеній, приверженность къ личности Христа достигла вскорѣ степени божескаго поклоненія. И даже теперь, когда опытныя науки ведутъ скрытую, но упорную борьбу противъ христіанской вѣры въ сверхестественное,—самые послѣдовательные противники христіанства не рѣшаются оспорить моральную личность Христа, такъ какъ имъ противустоятъ огромные, въ теченіе тысячелѣтій прочно укоренившіеся, факторы силы.

Гораздо меньшихъ успѣховъ достигъ Лютеръ, которому удалось привлечь на свою сторону лишь нѣкоторую часть западнаго христіанства. Поэтому оффиціальный католицизмъ и теперь еще клеймитъ его какъ развратнаго, клятвопреступнаго монаха, въ то время какъ протестанты чтутъ въ немъ реформатора, возродившаго христіанство.

И такъ, если крупныя историческія личности, не находя у современниковъ должной моральной оцѣнки, по общему правилу могутъ апеллировать къ суду потомства, то средніе люди, не оставляющіе долговѣчнаго слѣда послѣ своей смерти, ввѣрены современности и соціальнымъ соотношеніямъ, которыя въ ней господствуютъ. Поэтому, желая пользоваться славою нравственныхъ людей, они должны подчиняться господствующимъ факторамъ силы, въ частности государству, церкви, порядку собственности и семьѣ; тогда они признаются лояльными гражданами, благочестивыми христіанами, честными людьми, нѣжными супругами и отцами. Правда, въ каждую эпоху найдутся люди и партіи, признающіе это приспособленіе къ господствующимъ соціальнымъ соотношеніямъ малодушіемъ, но широкія массы повсюду считаютъ его нравственнымъ и достойнымъ похвалы.

Само собою разумѣется, что эти моральныя оцѣнки тотчасъ же исчезли бы, еслибъ поколебались лежащія въ ихъ основѣ соціальныя соотношенія. Достаточно представить себѣ, что анархизмъ на время побѣдилъ бы нашъ современный соціальный строй. Тогда всѣ эти лояльные, благочестивые, честные, нѣжные весьма скоро превратились бы въ трусовъ и глупцовъ.

---

[1]) *Tacitus*, Annal. XV, 44; *Plinius*, Epistolae X, 96 и др.

Такую метаморфозу въ нравственныхъ расцѣнкахъ,—не въ широкихъ, правда, предѣлахъ,—пережила Франція во время великой революціи. Послѣ штурма Бастиліи (14 іюля 1789 г.) огромное большинство французовъ признавало добродѣтельными только тѣхъ гражданъ, которые проявляли самый крайній, революціонный образъ мыслей. Но уже послѣ паденія Робеспьера и еще болѣе послѣ государственнаго переворота, совершеннаго Бонапартомъ (9 ноября 1799 г.), явственно обнаружившимъ свое превосходство надъ неорганизованными народными массами, это совершенно измѣнилось; всѣ стали стыдиться своихъ революціонныхъ настроеній, а тѣмъ болѣе дѣйствій, и по возможности замалчивали ихъ. Такое состояніе продолжалось до іюльской революціи (1830 г.), которая возвела на престолъ баррикаднаго короля и вновь надолго повысила во Франціи моральный курсъ революціонныхъ настроеній. Такія же перемѣны въ моральной оцѣнкѣ революціи и революціоннаго образа мыслей пережили и другіе европейскіе народы въ ихъ слабыхъ подражаніяхъ великому французскому движенію.

Такъ какъ въ критическіе моменты сохраненіе и завоеваніе власти нерѣдко зависитъ отъ совершенно незначительныхъ обстоятельствъ, въ родѣ, напр., своевременнаго взлома воротъ или опозданія на нѣсколько минутъ, то моральная оцѣнка важнѣйшихъ дѣйствій зависитъ при такихъ обстоятельствахъ отъ простой случайности. Если бы сербская королевская чета бѣжала въ ночь съ 10 на 11 іюня 1903 г. изъ конака въ Бѣлградъ, то она легко побѣдила бы заговорщиковъ-офицеровъ, и послѣдніе несомнѣнно были бы казнены, а ихъ способъ дѣйствій усердно осуждался бы во всѣхъ сербскихъ церквахъ, судахъ, школахъ и газетахъ и даже во всемъ мірѣ. Но такъ какъ офицеры, благопріятствуемые разными случайностями, исполнили свое дѣло быстро и основательно, то народное представительство объявило ихъ спасителями отечества, а ихъ дѣяніе геройскимъ подвигомъ, новой же династіи, господство которой было заложено въ эту страшную ночь, не оставалось ничего другого, какъ озаботиться тѣмъ, чтобы и на будущее время кровавая расправа съ королемъ признавалась нравственнымъ, заслуживающимъ похвалы и удивленія, дѣяніемъ, и притомъ не только въ Сербіи, но и за ея предѣлами. Въ культурномъ мірѣ нашлись, правда, не-

данты, не желавшіе примириться съ отождествленіемъ силы и нравственности, по ихъ строгій судъ надъ свершившимся событіемъ, въ виду всеобщаго сочувствія, имъ вызваннаго, не имѣлъ никакого значенія.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

СОЦІАЛЬНЫЯ СООТНОШЕНІЯ СИЛЪ.

Такъ какъ нравственность опирается на соціальныя соотношенія силъ, то необходимо подвергнуть эти послѣднія систематическому анализу. Само собою разумѣется, что вниманіе должно быть сосредоточено при этомъ только на тѣхъ факторахъ воздѣйствія и тѣхъ соотношеніяхъ силъ, которыя оказываютъ значительное и длящееся вліяніе на поведеніе людей.

Важнѣйшими соціальными факторами воздѣйствія являются въ настоящее время слѣдующіе:

1. **Государственный и правовой порядокъ.** Въ современномъ обществѣ, послѣ оттѣсненія вліянія церкви на задній планъ, государство и право являются самою крупною соціальной силой. И то, и другое имѣютъ отношеніе только къ такимъ дѣйствіямъ, къ совершенію которыхъ лицо управомоченное можетъ принудить лицо обязанное въ случаѣ надобности путемъ примѣненія физической силы — въ видѣ самопомощи, какъ это было въ болѣе раннія эпохи правового развитія, или же, какъ въ позднѣйшее время, черезъ посредство государства. Такъ какъ въ сферѣ государства и права за каждымъ подлежащимъ совершенію дѣйствіемъ стоитъ—по крайней мѣрѣ въ идеѣ—угроза принужденія, то связь между силой и нравственностью очевидна здѣсь и для неопытнаго глаза. И такъ какъ матеріальное принужденіе является самой вѣрной гарантіей нравственнаго поведенія, то и такія общенія, какъ церковь или экономическіе классы, первоначально не имѣвшіе никакой принудительной власти, стремятся, на позднѣйшихъ ступеняхъ своей эволюціи, подвергать своихъ членовъ по крайней мѣрѣ косвенному принужденію.

Государство и право обнимаютъ по преимуществу три области: государственное устройство и управленіе, порядокъ соб-

ственности и семейный строй. Въ предѣлахъ этихъ трехъ порядковъ движется жизнь индивида отъ момента его рожденія до момента смерти, при чемъ ихъ правовымъ нормамъ и принужденію подчиняются какъ разъ самыя важныя его дѣйствія.

Было бы, однако, совершенно неправильно думать, что государство и право господствуютъ только надъ дѣйствіями, къ которымъ примѣнимо принужденіе. Такого суженія сферы вліянія государства и права не наблюдается. Ежедневно, хотя и независимо отъ принужденія, однако именно благодаря этимъ двумъ факторамъ совершается огромное множество дѣйствій, принадлежащихъ собственно къ сферѣ свободной морали. Монархъ, дѣятельность котораго сводилась бы къ назначенію министровъ и должностныхъ лицъ, санкціонированію законовъ, объявленію войны и осуществленію другихъ предоставленныхъ ему конституціей правъ, безъ сомнѣнія, былъ бы королемъ только по имени. Съ представленіемъ о настоящемъ королѣ связывается мысль о тріумфальныхъ воротахъ, крикахъ ура и многихъ другихъ проявленіяхъ вѣрноподданическаго чувства, къ которымъ никто, конечно, принужденъ быть не можетъ. Дворянство, духовенство, чиновники и офицеры пользуются со стороны своихъ согражданъ извѣстнымъ уваженіемъ и преданностью, которыя не предписываются никакимъ закономъ. Богатые же во всѣхъ случаяхъ жизни требуютъ отъ лицъ, мѣнѣе благопріятствуемыхъ порядкомъ собственности, не только признанія своихъ имущественныхъ правъ, но сверхъ того еще извѣстнаго вниманія и даже самопожертвованія, и только въ самыхъ исключительныхъ обстоятельствахъ считаютъ себя обязанными платить тѣмъ же. Наконецъ, семья, которая бы не давала любви и не оказывала снисхожденія и предоставляла лишь то, что можетъ быть вынуждено юридически,—являла бы намъ, конечно, не болѣе, какъ пародію на семью.

Всѣ эти дѣйствія не могутъ быть вынуждены, но они вызываются дѣйствующимъ государственнымъ и правовымъ порядкомъ; они должны поэтому быть разсматриваемы также какъ дѣянія моральныя.

Вліянію государства и права уподобляется вліяніе расы и національности на нравственность (ниже 1, 8). По общему правилу оба эти фактора въ ихъ отношеніи къ нравственности совпадаютъ, такъ какъ большинство государствъ отождествляютъ цѣли господствующей расы или національности съ

своими собственными цѣлями. Но сознаніе, что государство и господствующая раса или національность образуютъ единство, обыкновенно сильно увеличиваетъ склонность руководящихъ лицъ къ насилію и обману. Тамъ, однако, гдѣ государство притѣсняетъ извѣстную расу или національность, естественно образуется особая расовая или національная мораль, которая въ наше время оказываетъ на поведеніе людей пожалуй не меньшее вліяніе, чѣмъ какое имѣлъ въ средніе вѣка религіозный фанатизмъ. Нѣтъ надобности подтверждать это примѣрами, такъ какъ всякому извѣстно, что расовое и національное чувство является въ современномъ намъ обществѣ однимъ изъ важнѣйшихъ моральныхъ факторовъ силы.

Слѣдующимъ факторомъ силы рядомъ съ государствомъ и правомъ является

2. **Церковь.** Подвергавшаяся въ первые вѣка своего существованія почти непрерывнымъ преслѣдованіямъ со стороны римскаго государства христіанская церковь представляла собою первоначально свободный, лишенный всякой принудительной власти союзъ вѣрующихъ. Въ средніе вѣка церковь подчинила дѣйствія своихъ сочленовъ—безразлично, какъ относящіяся по нашимъ современнымъ воззрѣніямъ къ сферѣ принужденія, такъ и принадлежащія къ области свободной морали—системѣ строгихъ наказаній, при чемъ органы церкви получили право подвергать вѣрующихъ за безнравственныя или преступныя дѣянія не только денежнымъ взысканіямъ и тюремному заключенію, но косвенно и смертной казни. Такимъ образомъ, церковь, союзъ моральный, осуществляла въ то время значительную часть той принудительной власти, которую теперь присвоило себѣ исключительно государство. Теперь карательная практика католической церкви, осуществляемая ею главнымъ образомъ при посредствѣ исповѣди, имѣетъ совершенно призрачное значеніе. Современныя же протестантскія церкви совершенно отказались отъ примѣненія какихъ-либо мѣръ взысканія и стремятся содѣйствовать нравственному развитію своихъ сочленовъ исключительно лишь проповѣдями, увѣщаніями и добрымъ примѣромъ.

Тѣмъ не менѣе вліяніе церкви и теперь еще достаточно значительно для того, чтобы побуждать вѣрующихъ къ совершенію разнообразныхъ дѣйствій, составляющихъ сферу культа, въ частности къ посѣщенію богослуженія, и вообще

для того, чтобы въ извѣстной степени опредѣлять ихъ поведеніе. Эти, вынуждаемыя властью церкви, дѣйствія также разсматриваются по общему правилу какъ дѣйствія нравственныя. Существуетъ, такимъ образомъ, уже не одна, а двѣ нравственности, которыя въ случаѣ возникновенія конфликта между государствомъ и церковью вступаютъ между собою въ борьбу. До сихъ поръ эта борьба рѣшалась обыкновенно въ пользу церкви,—такъ какъ власть послѣдней широкія народныя массы признаютъ болѣе старой и солидной, чѣмъ власть государства. Такъ, во время прусскаго культуръ-кампфа, чтобы ограничиться примѣромъ изъ самаго близкаго прошлаго, всѣ епископы были смѣщены государствомъ, но вѣрующіе католики игнорировали этотъ фактъ и продолжали попрежнему признавать ихъ духовную власть.

Третій факторъ силы, создающій особую нравственность, это—

3. **Экономическіе классы.** Первоначально они состояли изъ разрозненныхъ индивидовъ, которые, однако, впослѣдствіи во многихъ случаяхъ объединились и выработали особую этику. Такими классами являются въ настоящее время: дворянство, духовенство, воинство, чиновничество, адвокаты, врачи и промышленники. Такъ какъ принадлежность къ классу тѣснѣйшимъ образомъ связана съ самыми важными жизненными цѣлями индивида, въ особенности съ его экономическими и соціальными интересами, то классовая этика весьма часто вытѣсняетъ нравственность государственную и церковную. Достаточно вспомнить наполовину комическій, наполовину отвратительный споръ о дуэли, которую государственные и церковные законы строго воспрещаютъ и караютъ, власть же имущіе, будучи вынуждены считаться съ настроеніями въ офицерствѣ, не только дозволяютъ, но нерѣдко всякими способами поощряютъ.

Нѣкоторые привилегированные классы, напримѣръ офицеровъ, чиновниковъ и адвокатовъ, осуществляютъ надъ своими сочленами дисциплинарную власть, т.-е. контролируютъ ихъ профессіональную дѣятельность и частную жизнь, и, въ случаѣ нарушенія ими требованій классовой этики, налагаютъ на нихъ дисциплинарныя взысканія вплоть до исключенія изъ классовой среды. Благодаря этому привилегированные классы получаютъ возможность навязывать свою классовую мораль и свой

классовый эгоизмъ другимъ классамъ населенія средствами внѣшняго принужденія. Отъ этого страдаютъ въ особенности такъ называемые „низшіе“ классы (мѣщане, крестьяне, рабочіе), лишенные соотвѣтствующей организаціи.

Четвертымъ источникомъ нравственности, хотя и уступающимъ по силѣ и размѣрамъ факторамъ, которые разсмотрѣны выше, являются

4. **Партіи.** Послѣднія можно раздѣлить по цѣлямъ, которыя онѣ преслѣдуютъ, на политическія, религіозныя, экономическія и художественныя. Каждая партія создаетъ среди своихъ сочленовъ особую партійную нравственность. Такъ какъ большинство партій стремится не къ сохраненію только, но и къ преобразованію существующихъ государственныхъ, церковныхъ и соціальныхъ учрежденій, то партійная этика по общему правилу замѣтно уклоняется отъ нравственности другихъ общеній. Это имѣетъ мѣсто въ особенности тогда, когда партія скрываетъ свои цѣли и свою дѣятельность. Въ этомъ случаѣ между партійной моралью и общей этикой можетъ образоваться прямо таки страшная противоположность. Достаточно вспомнить анархическія секты нашего времени и ихъ „пропаганду дѣла“.

Въ періоды обостренной партійной борьбы партійная этика нерѣдко отрѣшаетъ нравственность другихъ общеній. Такъ въ Германіи въ эпоху реформаціи, до окончанія тридцатилѣтней войны, надъ всѣми остальными моральными факторами господствовала конфессіональная, а во Франціи во время великой революціи, когда якобинскій клубъ нерѣдко былъ могущественнѣе правительства,—политическая партійная мораль. Но въ спокойныя времена вліяніе партійной морали въ общественной жизни не такъ велико. Нѣкоторыя партіи стремятся, впрочемъ, усилить это вліяніе тѣмъ, что договорнымъ путемъ предоставляютъ своимъ органамъ дисциплинарную власть надъ членами партіи, подобную той, которая дана привилегированнымъ экономическимъ классамъ въ силу государственнаго закона. Такъ какъ, однако, самое строгое дисциплинарное наказаніе—исключеніе изъ партіи—даже въ отдаленной мѣрѣ не связано для подвергнутаго этому наказанію съ такими экономически и соціально невыгодными послѣдствіями, какъ исключеніе изъ экономическаго класса, то партіямъ удается навязать ихъ партійную мораль прочимъ слоямъ населенія

лишь въ рѣдкихъ случаяхъ. Прекраснымъ примѣромъ могутъ служить здѣсь профессіональные союзы промышленныхъ рабочихъ, которые во многихъ культурныхъ странахъ принудили предпринимателей, а также и другіе классы населенія къ частичному признанію ихъ моральной квалификаціи отношеній между работодателемъ и рабочимъ.

Наконецъ, въ качествѣ пятаго и послѣдняго источника моральныхъ велѣній необходимо отмѣтить

5. **Мнѣніе другихъ о нашихъ дѣйствіяхъ, въ частности общественное мнѣніе**. Способъ дѣйствій индивида въ широкой мѣрѣ опредѣляется мнѣніемъ другихъ лицъ. Родство, дружба, любовь, даже чисто внѣшнее знакомство имѣютъ своимъ послѣдствіемъ, что родственникъ, другъ, возлюбленный, знакомый ставитъ свой способъ дѣйствій въ зависимость отъ одобренія другой стороны. Въ этомъ направленіи особенное значеніе имѣетъ образъ мыслей высокопоставленныхъ и вліятельныхъ лицъ. Въ каждой крупной монархіи существуютъ тысячи независимыхъ людей, которые, несмотря на всю самостоятельность характера, въ важнѣйшихъ своихъ дѣйствіяхъ руководятся воззрѣніями и склонностями монарха. Когда императрица Евгенія, чтобы сдѣлать менѣе замѣтной свою беременность, одѣла въ 1856 г. кринолинъ, то ея примѣру послѣдовали сперва французскія, а затѣмъ всѣ европейскія дамы, не исключая и тѣхъ, которымъ нечего было скрывать. Эта добровольная зависимость отъ сужденій могущественнаго лица можетъ влечь за собою и печальныя послѣдствія. Такъ Расинъ, величайшій изъ драматурговъ Франціи, страшно былъ огорченъ тѣмъ обстоятельствомъ, что по какому-то ничтожному поводу потерялъ благосклонность короля-солнца. Аналогичное, хотя и болѣе ограниченное вліяніе на способъ дѣйствій согражданъ оказываютъ своими сужденіями и другія выдающіяся лица.

Значительнѣе вліянія отдѣльныхъ лицъ вліяніе общественнаго мнѣнія на человѣческое поведеніе. Въ то время какъ высокопоставленныя и вліятельныя лица вліяютъ на массы, послѣднія имѣютъ въ общественномъ мнѣніи весьма дѣйствительное средство опредѣлять способъ дѣйствій власть имущихъ, всегда весьма падкихъ на похвалы и признательность со стороны ниже стоящихъ. Вліяніе общественнаго мнѣнія сильно возросло въ XVIII и XIX вѣкѣ, когда создались по-

стоянные органы для выраженія этого мнѣнія въ видѣ прессы и публичныхъ союзовъ и собраній. Подвергая своему безпощадному суду господствующіе въ государствѣ, церкви и обществѣ порядки, оно подготовило величайшія преобразованія этой эпохи. И въ этомъ судѣ участвуютъ всѣ, даже наиболѣе отодвинутые назадъ, а не только тѣ, кто прикосновенны къ силѣ государства, церкви, сословій или партій.

Въ центрѣ этихъ скрещивающихся и взаимно исключающихъ одно другое моральныхъ предписаній поставленъ дѣйствующій человѣкъ съ его настоятельной потребностью быстро и единообразно разрѣшать возникающіе моральные вопросы. Слѣдовать ли ему, въ случаѣ противорѣчія, велѣніямъ государства, церкви, класса, партіи, общественнаго мнѣнія? Моралисты предлагаютъ ему, правда, старательно прислушиваться къ голосу совѣсти, но едва ли послѣдній скажетъ что-либо опредѣленное въ указанномъ случаѣ. Нѣтъ поэтому ничего удивительнаго, что святые всѣхъ религій такъ охотно искали убѣжища отъ этой моральной сумятицы въ мирныхъ обителяхъ пустынь и лѣсовъ. Обыкновенный смертный имѣетъ, правда, въ своихъ страстяхъ и интересахъ постоянный критерій для выбора между предлагаемыми ему моральными возможностями. Но кто захотѣлъ бы подчинить всю свою жизнь велѣніямъ нравственности, кто сталъ бы стремиться быть постоянно добродѣтельнымъ, тотъ скоро убѣдился бы, что добродѣтель и въ этомъ направленіи—гораздо болѣе трудная и сложная проблема, чѣмъ порокъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

ПЕРЕМѢНЫ ВЪ СООТНОШЕНІЯХЪ СИЛЪ.

Если нравственность состоитъ въ приспособленіи къ существующимъ соотношеніямъ силъ, то съ измѣненіемъ этихъ соотношеній и нравственныя сужденія должны сдѣлаться другими. Такъ, благочестивый аскетизмъ средневѣковыхъ святыхъ, ихъ посты и бичеванія, вызывавшіе такое благоговѣйное удивленіе тогдашняго міра, по мѣрѣ того, какъ падала власть католической церкви, утрачивали свою моральную цѣнность и теперь почти не имѣютъ таковой. И столь же достовѣрно,

что люди будущаго—если существующій порядокъ собственности упразднится—съ состраданіемъ и отвращеніемъ будутъ вспоминать о стремленіяхъ нашего времени, направленныхъ почти исключительно на пріобрѣтеніе матеріальныхъ благъ. Совершенно невозможно поэтому говорить о вѣчныхъ законахъ нравственности: они столь же преходящи, какъ соотношенія силъ, и только въ томъ случаѣ долговѣчны, когда долговѣчны эти послѣднія.

Наиболѣе прочны тѣ нравственныя понятія, которыя связаны съ порядкомъ собственности и семьи, такъ какъ эти два института оставались почти неизмѣнными въ теченіе цѣлыхъ тысячелѣтій. Честный человѣкъ, хорошій семьянинъ,—это такія свойства, которыя давно уже высоко цѣнятся и въ видоизмѣненной формѣ сохранятъ свою цѣнность и послѣ преобразованія нашего соціальнаго строя. Менѣе устойчивы тѣ моральныя велѣнія, которыя относятся къ государственному строю и управленію, церкви, классамъ, такъ какъ эти факторы претерпѣваютъ въ теченіе своей исторической эволюціи значительныя измѣненія, одновременно ниспровергающія и силу и нравственность. Наконецъ, наименѣе живучими являются нравственныя предписанія партій и общественнаго мнѣнія. Здѣсь дѣйствія, сегодня вызывающія удивленіе и поощряемыя всѣми средствами моральнаго принужденія, уже завтра—въ буквальномъ смыслѣ этого слова—признаются безразличными и даже осуждаются.

Возьмемъ только два факта, относящихся къ высшимъ сферамъ государства и потому лучше установленныхъ, чѣмъ тѣ мелкіе, которые мы могли бы привести въ большомъ количествѣ изъ повседневной жизни. Если бы Брутъ и Кассій вонзили свои кинжалы въ Юлія Цезаря въ то время, когда онъ, перейдя Рубиконъ, самъ объявилъ себя бунтовщикомъ и государственнымъ преступникомъ, и если бы благодаря этому въ Римѣ сохранилась республика, то они безъ сомнѣнія въ цѣломъ рядѣ позднѣйшихъ поколѣній вызывали бы, подобно Гармодію и Аристогитону, преклоненіе, какъ спасители отечества. Но они убили Юлія Цезаря въ мартовскія иды 44 г. до Р. Х., когда онъ, благодаря побѣдѣ надъ своими противниками и путемъ цѣлаго ряда неслыханныхъ нарушеній права, достигъ высшей власти въ государствѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ настолько видоизмѣнилъ въ немъ соотношенія силъ, что сохра-

неніе республиканскаго его устройства было уже невозможно. Поэтому при позднѣйшихъ императорахъ запрещалось носить маски Брута и Кассія—какъ этого требовалъ римскій обычай—при похоронахъ членовъ ихъ рода [1]), а Данте помѣстилъ убійцъ Юлія Цезаря, какъ предателей, въ самую глубину своего ада, гдѣ изъ ледяной бездны вздымается Люциферъ половиною своего тѣла [2]).

Много благопріятнѣе были соотношенія силъ, когда Гармодій и Аристогитонъ убили Гиппарха, одного изъ двухъ аѳинскихъ тирановъ, такъ какъ убійство его повлекло за собою возстановленіе въ Аѳинахъ республиканской формы правленія, которая затѣмъ сохранялась въ теченіе столѣтій. Поэтому греческій народъ и величайшіе его поэты восхваляли ихъ, какъ героевъ и спасителей свободы. Если бы они направили свои мечи два столѣтія спустя противъ кого-либо изъ солдатскихъ царей, которые въ эпоху, послѣдовавшую за смертью Александра Великаго, подавляли Аѳины и Грецію неизмѣримо сильнѣе, чѣмъ прежніе тираны, то моральная оцѣнка ихъ дѣянія какъ со стороны современниковъ, такъ и потомства едва ли была бы лучше той, какая досталась на долю Брута и Кассія.

Изъ изложеннаго видно, во-первыхъ, что въ одно и то же время къ господству стремятся противорѣчивыя моральныя велѣнія (I, 3), и, во-вторыхъ, что съ теченіемъ времени велѣнія эти значительно видоизмѣняются. Тотъ, слѣдовательно, кто хочетъ поступать нравственно и пользоваться соотвѣтственнымъ признаніемъ со стороны своихъ современниковъ, долженъ постоянно слѣдить за измѣненіями въ соціальныхъ соотношеніяхъ силъ, и съ этой точки зрѣнія можно принять сократовское отождествленіе добродѣтели съ знаніемъ. Существовалъ ли въ эпоху великой революціи даже въ самыхъ глухихъ деревняхъ Франціи хоть одинъ человѣкъ, который бы не мѣнялъ часто правилъ своего поведенія? Но и въ спокойныя времена дѣйствующій индивидъ долженъ постоянно видоизмѣнять и пополнять свою систему морали. Въ числѣ страданій старости далеко не послѣднимъ является то, что за свой долгій вѣкъ старикъ неизбѣжно доживаетъ до эпохи съ совер-

---

[1]) *Tacitus*, Ann. III, 76.
[2]) *Dante*, Inferno, пѣснь 34.

шенно видоизмѣнившимися соотношеніями силъ и нравственными понятіями. А такъ какъ людское недомысліе внѣдрило ему въ молодости представленіе о моральныхъ понятіяхъ, какъ о самомъ прочномъ устоѣ человѣческой жизни, то подъ конецъ дней своихъ онъ въ большинствѣ случаевъ будетъ правъ, восклицая вмѣстѣ съ столяромъ Антономъ въ „Маріи Магдалинѣ“ Гебеля: „я не понимаю нынѣшнихъ людей“.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

СОВѢСТЬ.

То, что мы называемъ совѣстью, издавна сильно переоцѣнивалось въ теоріи и на практикѣ. Религіозно настроенные философы говорятъ о совѣсти, какъ о голосѣ Бога внутри насъ. Самъ Кантъ въ заключительной части своей „Критики практическаго разума“ говоритъ, что двѣ вещи, чѣмъ чаще и упорнѣе мы останавливаемъ на нихъ свою мысль, наполняютъ духъ нашъ все возрастающимъ удивленіемъ и благоговѣніемъ: звѣздное небо надъ нами и моральный законъ внутри насъ. И тѣмъ не менѣе совѣсть—въ основѣ своей явленіе весьма прозаическое; оно чуждо совершенно той поэтичности, которую приписывали ему религія, философія и искусство всѣхъ временъ.

Такъ какъ добродѣтель тождественна съ приспособленіемъ къ соціальнымъ соотношеніямъ силъ, а грѣхъ и преступленіе—съ борьбою противъ послѣднихъ, то совѣсть можетъ состоять только въ страхѣ передъ невыгодными послѣдствіями этой борьбы. Всемогущій Богъ не могъ бы поэтому обладать ни малѣйшимъ слѣдомъ человѣческой совѣсти. Среди людей же сила и совѣсть естественно находятся въ обратно пропорціональномъ отношеніи: чѣмъ блестящѣе положеніе человѣка въ обществѣ, тѣмъ менѣе онъ будетъ страшиться соціальныхъ послѣдствій своихъ дѣйствій, тѣмъ менѣе угрызенія совѣсти будутъ мѣшать ему въ его дѣятельности. Въ противоположность этому, средніе и низшіе классы населенія уже въ юности, вслѣдствіе соотвѣтственнаго воспитанія дома и въ школѣ и, еще болѣе, вслѣдствіе уроковъ послѣдующей жизни, — собственнымъ опытомъ доходятъ до страха и уваженія передъ

соціальными силами, такъ какъ имъ рѣдко сходитъ съ рукъ пренебреженіе соціальными соотношеніями. Существуютъ, впрочемъ, отдѣльныя сферы соціальной жизни, гдѣ сильные и знатные, вслѣдствіе занимаемаго ими виднаго положенія въ обществѣ, должны страшиться болѣе, чѣмъ безсильные и безызвѣстные, и гдѣ поэтому у этихъ сильныхъ и знатныхъ обнаруживаются явные слѣды сравнительно тонкаго развитія совѣсти.

Для иллюстраціи этихъ положеній попытаемся подвергнуть анализу совѣсть Наполеона I, — безъ сомнѣнія самаго виднаго человѣка новаго времени. Путемъ преступленія онъ достигъ высшей власти во Франціи, а въ своихъ войнахъ явился виновникомъ смерти $2^1/_2$ милліоновъ французовъ и по меньшей мѣрѣ столькихъ же враговъ, въ окончательномъ же результатѣ карточный домикъ его могущества послѣ пораженія при Лейпцигѣ и Ватерлоо исчезъ безъ слѣда. Напрасно было бы, однако, искать въ многочисленныхъ заявленіяхъ его о своей прошлой жизни, въ особенности въ тѣхъ, которыя онъ сдѣлалъ, уже будучи въ плѣну на островѣ Святой Елены, признаковъ раскаянія о безплодно пролитыхъ потокахъ крови. Въ знаменитой дрезденской бесѣдѣ его съ Меттернихомъ (26 іюня 1813 г.), за которою послѣдовало со стороны Австріи объявленіе войны Франціи, Наполеонъ съ полной откровенностью заявилъ, что для такого человѣка, какъ онъ, совершенно безразлично, если погибнетъ милліонъ людей. И это, несмотря на тотъ фактъ, что въ молодости онъ воспитывался въ духѣ обычной морали среднихъ и низшихъ классовъ, чему соотвѣтствовало его соціальное положеніе. Еще естественнѣе это отсутствіе раскаянія у представителей легитимныхъ династій, какими являлись Людовикъ XIV, Фридрихъ II и Марія Терезія. Они погубили въ своихъ войнахъ огромныя массы людей, такъ какъ уже при самомъ воспитаніи имъ внушена была мысль, что ихъ личные и семейные интересы тождественны съ благомъ отечества, и что во имя этого блага народы обязаны жертвовать достояніемъ и кровью.

Какъ безконечно отличенъ отъ этого тотъ случай, когда обыкновенный человѣкъ совершаетъ убійство, — даже не изъ корыстныхъ побужденій, а изъ ревности, мести и другихъ болѣе благородныхъ мотивовъ. Школа и церковь уже въ юности внушаютъ будущему гражданину должное отвращеніе

къ посягательствамъ на чужую жизнь. И если тѣмъ не менѣе убійство совершено, всѣ круги общества объединяются, чтобы заклеймить это дѣяніе, обнаружить убійцу и подвергнуть его наказанію. Даже, если убійцѣ удается скрыться, онъ во всю свою жизнь дѣлается мученикомъ опасенія, что будетъ обнаруженъ и наказанъ. Поэтому убійца совершенно естественно страшится послѣдствій своего дѣянія и испытываетъ тѣ ужасающія угрызенія совѣсти, изображеніемъ которыхъ занимались поэты и художники всѣхъ временъ.

Такую-же противоположность мы наблюдаемъ и въ моральной оцѣнкѣ преступленій противъ собственности. Когда крупные землевладѣльцы добиваются отъ правительства установленія высокихъ таможенныхъ пошлинъ на средства продовольствія широкихъ массъ населенія, или когда крупные биржевые игроки разными интригами и распространеніемъ ложныхъ слуховъ пріобрѣтаютъ состоянія, то они отлично знаютъ, что вредятъ жизненнымъ интересамъ многихъ тысячъ людей, и однако они не испытываютъ никакихъ угрызеній совѣсти, такъ какъ вредъ причиняется вѣдь съ согласія и даже содѣйствія государства. Когда-же бѣднякъ, уступая искушеніямъ нужды, совершаетъ кражу, то у него имѣется полное основаніе бояться послѣдствій своего дѣянія и испытывать угрызенія совѣсти, ибо государство и общество тотчасъ-же мобилизуютъ противъ него свои силы. И только потому, что во всѣхъ этихъ случаяхъ дѣло идетъ не объ интересахъ самыхъ сильныхъ изъ сильныхъ міра сего, вообще трусливая народная мудрость дерзаетъ сказать здѣсь свое слово: мелкаго де вора вѣшаютъ, а крупнаго оставляютъ въ покоѣ.

Можно было-бы привести сотни фактовъ въ подтвержденіе того, что совѣсть есть не что иное, какъ отраженіе соотношеній соціальныхъ силъ въ душѣ человѣка. Здѣсь достаточно ограничиться общимъ указаніемъ на ту огромную разницу въ нравственныхъ сужденіяхъ и поведеніи людей, которую мы наблюдаемъ между народами свободно управляемыми, какъ французы и англичане, и несвободными, какъ русскіе, хотя важнѣйшія соотношенія силъ—религія, государство, собственность и семья—здѣсь почти однородны. Совѣсть не есть именно голосъ Божій и въ отношеніи устойчивости и неизмѣнности ее нельзя также сравнивать съ звѣздами на небѣ,—это исторически обусловленное явленіе, принимающее самыя

разнообразныя формы въ зависимости отъ мѣста и времени. Никогда поэтому не удастся одною проповѣдью высшей морали утончить людскую совѣсть и облагородить нравственное сознаніе людей, если одновременно не произойдетъ преобразованія въ соціальныхъ соотношеніяхъ силъ. На этомъ вопросѣ намъ придется еще остановиться (книга 3) въ послѣдующемъ изложеніи.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

КОЛЛЕКТИВНАЯ И ИНДИВИДУАЛЬНАЯ МОРАЛЬ.

Не только отдѣльныя лица, но и цѣлыя группы или общенія выступаютъ въ качествѣ дѣйствующихъ субъектовъ и подвергаются моральной квалификаціи. Можно поэтому различать мораль общеній (или коллективную мораль) и мораль индивидуальную.

Право считается только съ тѣми общеніями, которыя имѣютъ извѣстную организацію и поэтому представлены въ своей волѣ и своихъ дѣйствіяхъ опредѣленными физическими лицами. Такими правовыми общеніями являются государства и ихъ подраздѣленія, церкви, союзы, всякаго рода общества. Но въ общеніяхъ моральныхъ такая организація не необходима,—здѣсь для возникновенія общенія достаточно одного лишь сознанія однородности физическихъ и духовныхъ свойствъ. Такими исключительно моральными общеніями являются человѣчество, раса, культурное единеніе, національность. Если они и представляютъ собою рыхлыя, слабо сплоченныя массы съ мало замѣтною дѣятельностью во внѣ, за отсутствіемъ видимыхъ органовъ, то вліяніе ихъ на моральное поведеніе людей тѣмъ не менѣе очень глубоко.

Направленіе дѣятельности отдѣльныхъ лицъ въ общемъ опредѣляется соотношеніями соціальныхъ силъ. Но на дѣйствующаго индивида вліяютъ не только государство, церковь, классъ, партія и общественное мнѣніе,—онъ считается и съ мнѣніемъ отдѣльныхъ лицъ, и благодаря этому его способъ дѣйствій во многихъ случаяхъ теряетъ—по крайней мѣрѣ видимо—тотъ своекорыстный характеръ, который всегда присущъ приспособленію къ соціальнымъ силамъ. Въ моральныхъ

же общеніяхъ личный элементъ почти совершенно отсутствуетъ: сила господствуетъ здѣсь поэтому безраздѣльно, какъ неограниченная повелительница человѣческой дѣятельности и бездѣйствія.

Это отрѣшеніе общеній отъ индивидуальныхъ интересовъ имѣетъ своимъ послѣдствіемъ, что ихъ призванные и непризванные представители преслѣдуютъ цѣли общеній по большей части весьма односторонне, не задаваясь вопросомъ, приносятъ-ли они этимъ истиннымъ цѣлямъ своихъ сочленовъ пользу или вредъ. Они полагаютъ, что служатъ публичному благу, такъ какъ не преслѣдуютъ никакихъ личныхъ интересовъ. Въ дни моей молодости въ Вѣнѣ, шутки ради, говорили объ австрійскомъ министрѣ финансовъ Брестелѣ, прямота и безкорыстіе котораго еще теперь живы въ памяти его земляковъ, что онъ способенъ на всякое дурное дѣло, поскольку не ждетъ отъ того никакой личной выгоды. Такой способъ мышленія распространенъ шире, чѣмъ можно было-бы думать съ перваго взгляда. Достаточно вспомнить о тѣхъ насиліяхъ, которыя искренніе и добросовѣстные люди совершали въ прежніе вѣка во имя религіи, а въ послѣднія десятилѣтія въ интересахъ якобы своей расы или національности. Мало того, можно безъ колебанія утверждать, что изъ жестокостей и безобразій, запятнавшихъ исторію человѣчества, гораздо большая часть совершена въ мнимыхъ интересахъ крупныхъ и малыхъ общеній, чѣмъ для удовлетворенія прихотей могущественныхъ лицъ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

ЖИВОТНЫЯ.

Рядомъ съ человѣкомъ живутъ еще другія воспринимающія, обладающія волей и чувствующія существа,—животныя.

Въ то время какъ въ правовыхъ и моральныхъ отношеніяхъ людей другъ къ другу истина прикрыта тысячами фиговыхъ листковъ и постиженіе ея тормозится вѣковымъ лицемѣріемъ,—здѣсь, въ отношеніяхъ человѣка къ животному, гдѣ первому противустоятъ лишь слабыя, лишенныя дара рѣчи созданія, истинная сущность человѣческаго поведенія выступаетъ въ

своемъ настоящемъ свѣтѣ. Первоначально, до возникновенія цивилизаціи, человѣку приходилось вести съ животными суровую борьбу, въ которой онъ весьма нерѣдко оказывался побѣжденнымъ. Теперь эта борьба повсюду рѣшена въ пользу человѣка, который въ своихъ отношеніяхъ къ міру животныхъ почти не признаетъ другого предѣла, кромѣ своей силы и своей пользы.

Животныя нигдѣ не признаются членами правового или моральнаго общенія и человѣкъ считаетъ себя поэтому вправѣ пользоваться животными по своему усмотрѣнію и даже причинять имъ мучительную смерть для удовлетворенія своихъ потребностей. Важнѣйшимъ послѣдствіемъ этой точки зрѣнія является распространенное по всему міру пожираніе животныхъ, которое и у цивилизованныхъ народовъ, въ особенности среди имущихъ классовъ, выходитъ далеко за предѣлы дѣйствительной потребности и нерѣдко осуществляется съ рафинированной жестокостью. Ни одинъ цивилизованный гастрономъ ни на минуту не задумается бросить живыхъ раковъ въ кипящую воду или проглотить живыхъ устрицъ. Но даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда эксплоатація животныхъ не простирается до убійства ихъ, они всегда отданы въ жертву безграничнаго произвола суроваго побѣдителя. Только низшіе классы животныхъ ускользаютъ отчасти отъ господства человѣка благодаря своей численности и малымъ размѣрамъ, а нѣкоторыя, напримѣръ, бактеріи, отомщаютъ даже человѣку за страданія, причиняемыя имъ животнымъ, уничтоженіемъ его.

Правда, нѣтъ недостатка въ правовыхъ и моральныхъ велѣніяхъ, направленныхъ противъ безполезнаго мучительства животныхъ; но цѣль этихъ велѣній не состоитъ въ томъ, чтобы дать животнымъ защиту какъ членамъ правового и моральнаго общенія, а клонится лишь къ тому, чтобы оградить нравственное чувство человѣка отъ оскорбленій и огрубѣнія. Даже агитація противъ чрезмѣрнаго распространенія вивисекціи, сама по себѣ заслуживающая полнаго одобренія, по большей части весьма подозрительна по своимъ мотивамъ, такъ какъ по общему правилу она исходитъ отъ консервативныхъ партій, представители которыхъ изо дня въ день развлекаются самою жестокой охотой, уженіемъ рыбы, скачками и т. п. видами спорта.

Только одна изъ міровыхъ религій приняла и животныхъ,

какъ членовъ общенія, подъ свою моральную защиту,—именно буддизмъ. Во главѣ пяти основныхъ заповѣдей буддизма, приблизительно соотвѣтствующихъ еврейско-христіанскимъ десяти заповѣдямъ, стоитъ предписаніе, что каждый буддистъ долженъ воздерживаться отъ лишенія жизни живыхъ существъ. Точно также и первый изъ четырнадцати догматовъ вѣры, принятыхъ съ 1891 г. всѣми буддійскими церквами по предложенію родившагося въ Англіи буддиста Олькотта [1]), гласитъ: буддистамъ вмѣняется въ обязанность оказывать всѣмъ безъ различія людямъ равную терпимость, вниманіе и братскую любовь, а ко всѣмъ членамъ животнаго міра относиться съ неизмѣнной добротою [2]). А въ числѣ самыхъ блестящихъ добродѣтелей индійскаго императора Асока (263—226 г. до Р. Х.), который въ отношеніи буддизма занимаетъ такое-же положеніе, какъ Константинъ I въ отношеніи христіанства, и понынѣ еще почитается во всей Азіи, какъ защитникъ и покровитель своей религіи,—упоминается и то обстоятельство, что онъ былъ добръ къ животнымъ и приказалъ завести для нихъ больницы [3]). Среди вооруженныхъ съ ногъ до головы народовъ западной цивилизаціи такой доброжелательный къ животнымъ монархъ едва-ли удостоился-бы чего-либо другого, кромѣ глумленія и пренебреженія.

Установившіяся отношенія человѣка къ животнымъ безъ сомнѣнія не измѣнятся существенно и въ будущемъ, такъ какъ, за невозможностью здѣсь объединенія и организаціи со стороны подавленныхъ и эксплоатируемыхъ, нѣтъ надежды на преобразованіе соціальныхъ соотношеній силъ. Наиболѣе дѣйствительную борьбу противъ пожиранія животныхъ могла-бы еще вести наука путемъ выясненія богатымъ вреда, происходящаго отъ чрезмѣрнаго потребленія мяса. Но результатъ этихъ усилій будетъ болѣе чѣмъ перевѣшиваться тѣмъ, что съ повышеніемъ жизненнаго уровня широкихъ массъ населенія, убойная пища распространяется послѣдовательно на все новые и новые его слои. Что-же касается собственно обращенія съ животными, особенно съ рабочимъ скотомъ, то нѣтъ сомнѣ-

---

[1]) *Henry S. Olcott*, Buddhistischer Katechismus, нѣм. пер. Bischoff'a, 2-е изд. 1902 г. Вопросъ 153, 201, 202.

[2]) Ibid. Вопросъ 291, 293.

[3]) Ibid. Стр. 111.

нія, что вмѣстѣ съ ростомъ просвѣщенія оно будетъ становиться и болѣе разумнымъ и болѣе человѣчнымъ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

РАСЫ И НАЦІОНАЛЬНОСТИ.

Идеалъ расы былъ бы достигнутъ въ томъ случаѣ, если бы та или иная семья народовъ имѣла *одно* происхожденіе, *одно* государство, *одну* религію и *одинъ* языкъ, а ея правовыя, моральныя и научныя воззрѣнія по крайней мѣрѣ въ существенномъ были однородны. Такая раса безъ сомнѣнія представляла бы величайшую силу во внѣ, но въ то же время ея властители господствовали бы надъ нею какъ надъ стадомъ, ибо опытъ показываетъ, что слабые всего болѣе выигрываютъ отъ противоположностей между сильными. Къ счастью, однако, этотъ идеалъ еще никогда не былъ достигнутъ. Наши расы, въ частности индоевропейскія, обнимаютъ многія государства, религіи и языки и раздѣлены величайшими различіями въ сферѣ права, морали и научнаго міросозерцанія.

Можно утверждать безъ преувеличенія, что ни одно историческое явленіе не принесло человѣчеству столько страданій, обмана и насилія, какъ расовая борьба. Всего хуже обстоитъ дѣло тамъ, гдѣ высоко просвѣщенная и воинственная раса сталкивается съ первобытными племенами или народами менѣе культурными. Такъ, европейцы истребили значительную часть коренного населенія Америки и Австраліи при помощи пороха и водки. Звѣрства конквистадоровъ достигли вскорѣ послѣ открытія Америки такихъ размѣровъ, что установленіе рабства негровъ, предложенное благороднымъ защитникомъ индѣйцевъ Ласъ-Казасомъ (ум. въ 1566 г.), и послѣдовавшая за этимъ гнусная торговля невольниками казались еще сравнительно человѣколюбивыми мѣрами. Въ настоящее время негры Соединенныхъ Штатовъ въ силу закона 1865 года юридически свободны, но фактически, вслѣдствіе соціальнаго преобладанія бѣлыхъ, удерживаются въ полу-рабскомъ состояніи.

Въ новѣйшее время европейскія націи отказались отъ этой политики истребленія и по общему правилу ограничиваются

матеріальной эксплоатаціей болѣе слабыхъ расъ. Такъ, напр., Англія въ послѣднія десятилѣтія эксплоатировала Индію, Египетъ и нѣкоторыя другія страны только въ финансовомъ и коммерческомъ отношеніи. Если теперь какое-либо европейское государство утверждаетъ, что оно имѣетъ въ виду цивилизовать первобытный или низшей культуры народъ, или распространить въ его средѣ христіанство, то можно быть увѣреннымъ, что подлинныя намѣренія такого государства направлены—по крайней мѣрѣ прежде всего—на мирное ограбленіе.

Еще сильнѣе, быть можетъ, тѣ противорѣчія, которыя раздѣляютъ народы, принадлежащіе къ одной и той же расѣ. Всѣ господствующія націи, напримѣръ греки, римляне и нѣкоторыя германскія и славянскія племена основали свое міровое положеніе главнымъ образомъ на покореніи и уничтоженіи другихъ націй. Еще теперь нѣкоторыя національныя государства — Россія, Пруссія, Венгрія — держатъ своихъ иноязычныхъ подданныхъ какъ бы въ смягченномъ осадномъ положеніи. И даже въ государствахъ, которыя, подобно Австріи, предоставляютъ населяющимъ ихъ народамъ въ общемъ равныя права, національныя противорѣчія служатъ ужаснѣйшимъ источникомъ ненависти, зависти и насилія.

Было бы наивностью надѣяться, что это страшное моральное зло можетъ быть уничтожено или даже только значительно смягчено прогрессомъ культуры, такъ называемымъ движеніемъ въ пользу мира и тому подобными идеальными вліяніями. Ни одинъ господствующій народъ никогда не откажется отъ своего преобладающаго положенія, если онъ не будетъ къ тому принужденъ. Подавленныя расы и націи должны поэтому прежде всего стремиться къ тому, чтобы отнять у угнетателей ихъ власть причинять зло. Такъ какъ воинская доблесть по мѣрѣ роста культуры скорѣе умаляется, нежели увеличивается, то болѣе слабыя расы должны только—какъ показываетъ примѣръ русско-японской войны — усвоить себѣ европейское военное искусство, чтобы дать отпоръ притѣснителямъ. Мы же не должны относиться къ такому отпору съ эгоистической враждебностью, какъ это нерѣдко наблюдается въ дѣйствительности, но наоборотъ должны усматривать въ немъ самое вѣрное воспитательное средство къ возведенію международной нравственности на высшую ступень.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

ГОСУДАРСТВО И ЦЕРКОВЬ.

Изъ всѣхъ общеній нашего времени наиболѣе мощнаго развитія достигли государство и христіанскія церкви, которыя въ странахъ западной цивилизаціи повсюду строго организованы и поэтому способны къ послѣдовательной энергичной дѣятельности. Здѣсь всего яснѣе обнаруживается, что сила и нравственность въ существѣ покрываютъ другъ друга, и что всякій долженъ поступать такъ, какъ онъ можетъ поступать. Въ средніе вѣка христіанская церковь въ теченіе столѣтій боролась съ государствомъ за обладаніе высшею властью, но эта борьба давно уже рѣшена въ пользу государства. Въ настоящее время всѣ христіанскія церкви, не исключая даже католической, должны въ своей дѣятельности считаться со взглядами государства, партій, общественнаго мнѣнія и другихъ порождающихъ нравственность факторовъ (1, 3), т. е. морально приспособляться въ смыслѣ индивидуальной нравственности (книга 2) — вѣрный признакъ ихъ прогрессирующаго безсилія. Еще въ большей степени это относится къ исламу и буддизму, двумъ другимъ міровымъ религіямъ, которыя никогда не имѣли такого періода, чтобы кто-либо, вродѣ папы Иннокентія III, правилъ ими совершенно неограниченно, усматривая предѣлъ своей власти въ фактическихъ границахъ своего произвола, но издавна должны были всячески приспособляться къ требованіямъ государствъ, правда, теократически окрашенныхъ.

Что касается, прежде всего, государствъ, то не только сами верховные властители чувствуютъ себя совершенно свободными отъ оковъ религіозныхъ и философскихъ системъ морали, но и управляемые этими властителями народы относятся крайне снисходительно къ совершаемымъ ими обману и насилію, если только эти послѣдніе приводятъ къ цѣли. Между великими политическими дѣятелями послѣднихъ двухъ столѣтій не найдется, вѣроятно, ни одного, котораго бы нельзя было упрекнуть въ поведеніи, несовмѣстимомъ съ достоинствомъ порядочнаго человѣка. Выдача военныхъ и по-

литическихъ тайнъ, грозящая въ случаѣ войны жизни сотенъ тысячъ людей, покровительствуется почти безъ исключенія всѣми правительствами, побуждающими чужихъ подданныхъ путемъ подкупа къ совершенію этого отвратительнаго преступленія. Мало того, нѣкоторыя особенно могущественныя, а потому и особенно неразборчивыя въ средствахъ правительства еще въ послѣдніе годы полу-офиціально, но и не очень скрываясь, поощряли убійство главы чужого государства. Если же эти и имъ подобныя безнравственныя дѣйствія недостаточны для достиженія насильственныхъ цѣлей государствъ, то ихъ властители обращаются къ войнѣ, которая представляетъ уже принципіальное отрицаніе велѣній права и нравственности.

Средневѣковая христіанская церковь, которая фактически была государствомъ, а не религіознымъ только общеніемъ, столь же мало руководилась моральными соображеніями. Такъ какъ именно наиболѣе выдающіеся средневѣковые папы стремились не только къ духовному, но и къ свѣтскому универсальному господству, то соблюдать границы традиціонной морали, верховными стражами которой они себя выставляли,—имъ было во всякомъ случаѣ не менѣе трудно, чѣмъ современному государству, не задающемуся столь широкими цѣлями. Но къ безнравственной свѣтской политикѣ здѣсь присоединялось еще злоупотребленіе духовными средствами. Какъ часто папы изъ чисто свѣтскихъ цѣлей освобождали народы отъ присяги и вѣрности ихъ главамъ, поощряя такимъ образомъ ложь и клятвопреступленіе. Какъ часто они въ борьбѣ за земную власть налагали интердикты на цѣлыя страны и тѣмъ прерывали всѣ богослужебныя функціи въ этихъ странахъ, хотя по нихъ собственному ученію оказаніе духовной помощи страждущему человѣчеству составляетъ главное оправданіе предоставленной имъ власти. А несчастныхъ, отторгшихся отъ церковной догмы, церковь выискивала при помощи папской инквизиціи и въ болѣе тяжкихъ случаяхъ карала какъ еретиковъ мучительною смертью, при чемъ, впрочемъ, рабски зависимое государство должно было совершать казнь отъ своего имени. Въ отдѣльныхъ случаяхъ, напр. во время альбигойскихъ войнъ, папство доводило свою борьбу съ еретиками до уничтоженія цѣлыхъ народностей. Словомъ, сила и нравственность совпадаютъ и въ средневѣковой христіанской церкви, хотя ея основатели самымъ

настойчивымъ образомъ проповѣдывали любовь къ ближнему, миръ и презрѣніе къ земнымъ благамъ.

Свободное отношеніе къ традиціонной морали, естественно, присуще только верховнымъ властителямъ въ государствѣ и церкви, при чемъ несвязанность эту, быть можетъ, слѣдуетъ признать важнѣйшей составной частью ихъ суверенитета. Уже ихъ высшіе слуги: министры, полководцы и духовные владыки, будучи вынуждены считаться не только съ сужденіями своихъ повелителей, но и съ другими соціальными факторами силы (1, 3), неизмѣримо менѣе свободны въ указанномъ отношеніи. И чѣмъ скромнѣе данная власть по ея положенію въ свѣтской и духовной должностной іерархіи, тѣмъ болѣе связаны морально ея носители, при чемъ на низшихъ ступеняхъ они должны уже всецѣло приспособляться къ традиціоннымъ моральнымъ представленіямъ. Если поэтому тотъ или другой низшій представитель власти сознательно преступаетъ указанныя ему моральныя границы, то стоящіе надъ нимъ носители власти оскорбляются этимъ поступкомъ, какъ вторженіемъ въ сферу ихъ привилегій.

Маккіавелли, идеологъ политики, пренебрегающей моральными предписаніями, стоящими на пути къ преслѣдуемой властью цѣли, очевидно не уяснялъ себѣ въ достаточной мѣрѣ этого положенія дѣла, когда съ наивной хитростью передавалъ (въ 1516 г.) Лоренцо Медичи (1516—1519 г.) своего „Князя“, въ которомъ рекомендовалъ новому монарху всевозможныя преступленія, какъ тайную программу на тотъ случай, если-бъ онъ пожелалъ вернуть его, Маккіавелли, на флорентинскую государственную службу. Лоренцо, котораго нѣкоторые современники сравнивали съ Цезаремъ Борджіа, не могъ уступить въ такихъ широкихъ размѣрахъ свою привилегію на безнравственность обыкновенному смертному и долженъ былъ поэтому усмотрѣть въ сдѣланномъ ему подношеніи предуказаніе будущей измѣны. И фактически онъ остерегся привлечь на свою службу бывшаго секретаря Флорентинской республики. Позднѣйшіе Медичи также не давали Маккіавелли до самой его смерти въ 1527 г. болѣе или менѣе значительной государственной должности.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

КЛАССЫ.

Классы всюду подчинены власти государства, и ихъ представители далеко не обладаютъ тою свободой дѣйствій, какъ высшіе представители государства и церкви. Тѣмъ не менѣе государства очень часто подчинялись господству отдѣльныхъ классовъ, которые становились благодаря этому какъ бы государствомъ въ государствѣ. И теперь еще существуютъ дворянскія, поповскія и, какъ наиболѣе распространенный типъ,—военныя государства.

Различаютъ наслѣдственные и профессіональные классы, въ зависимости отъ того, пріобщаются ли отдѣльныя лица къ данному классу уже въ силу самого рожденія или же въ силу свободнаго выбора. Такъ, земельное дворянство представляетъ въ нѣкоторыхъ государствахъ—уже начиная съ среднихъ вѣковъ и вплоть до настоящаго времени—не что иное, какъ наслѣдственную военную, чиновную и землевладѣльческую касту. Въ новѣйшихъ государствахъ наслѣдственные классы повсюду уничтожены, но замѣнившіе ихъ профессіональные классы все же остались, вслѣдствіе соотвѣтственнаго воспитанія и семейныхъ традицій, въ значительной мѣрѣ наслѣдственными.

Сила и безнравственность—употребляя этотъ ходячій терминъ—достигаютъ наивысшихъ степеней въ наслѣдственныхъ земельныхъ аристократіяхъ, основывающихъ свое вліяніе въ государствѣ на многовѣковыхъ отношеніяхъ къ носителямъ высшей власти. Напомню только о томъ, что, начиная со среднихъ вѣковъ, земельная аристократія европейскаго континента постепенно закрѣпостила прежде свободное крестьянское населеніе путемъ лишенія его свободы передвиженія, присвоенія себѣ гражданской и уголовной юрисдикціи надъ нимъ и другихъ аналогичныхъ мѣропріятій, направленныхъ якобы на иныя цѣли. Точно также и англійская земельная аристократія, достигнувъ при помощи революціи 1688 г. рѣшающаго вліянія въ законодательствѣ, обратила посредствомъ захвата (inclosures) общинныхъ земель въ свою пользу значительную часть земельнаго богатства націи, а затѣмъ при помощи самыхъ жестокихъ средствъ согнала крестьянъ съ

вѣроломно отнятой у нихъ земли. Равнымъ образомъ и наслѣдственные цехи, какъ среднихъ вѣковъ, такъ и новаго времени, повсюду держали въ зависимости и эксплоатировали стоявшихъ внѣ цеховой организаціи ремесленниковъ, насколько къ тому открывалась возможность при сравнительно болѣе ограниченной сферѣ цеховой власти.

Методы эксплоатаціи, примѣняемые современными профессіональными классами, болѣе утончены, но не болѣе нравственны. Послѣ того, какъ демократическія теоріи эпохи просвѣщенія и великая французская революція лишили земельную аристократію значительной доли ея силы, аристократія эта къ концу восемнадцатаго и въ началѣ девятнадцатаго вѣка волей-неволей должна была отказаться отъ крѣпостного права. Но современные крупные землевладѣльцы, къ которымъ постепенно примкнули средніе и болѣе мелкіе сельскіе хозяева, требуютъ для обезпеченія за собою своего внѣ-трудового дохода высокихъ таможенныхъ пошлинъ на жизненные припасы, какъ будто установленіе такихъ пошлинъ не равносильно обращенію всей націи, за исключеніемъ сельскихъ хозяевъ, которые извлекаютъ изъ нихъ непосредственную пользу, въ крѣпостное состояніе съ той дополнительной для нихъ выгодой, что они избавляются при этомъ отъ тягостныхъ личныхъ отношеній, характеризующихъ крѣпостничество. Современные промышленники также выколачиваютъ изъ своихъ согражданъ значительный внѣ-трудовой доходъ, благодаря таможеннымъ пошлинамъ и картелямъ, и нерѣдко пользуются тѣми и другими для того, чтобы продавать свои товары за границей дешевле, чѣмъ внутри страны. Словомъ, всѣ эти факты, которыхъ можно было бы привести множество, ясно показываютъ, что классы по общему правилу эксплоатируютъ остальное населеніе въ той мѣрѣ, въ какой это только достижимо для нихъ при силѣ и вліяніи, которыми они располагаютъ.

Принадлежность къ классу или профессіи по большей части является основою хозяйственнаго, соціальнаго и политическаго положенія индивида. Классовые интересы дѣйствуютъ поэтому непрерывно и съ неизмѣнной силой, тогда какъ расовое, государственное и религіозное сознаніе въ общемъ выступаетъ на первый планъ только при извѣстныхъ обстоятельствахъ. И въ самомъ дѣлѣ, давно замѣчено, что даже лица, кото-

рыя легко воздерживаются отъ безнравственныхъ или эгоистическихъ дѣяній изъ страха предъ осужденіемъ родственниковъ, друзей или общественнаго мнѣнія, нерѣдко обнаруживаютъ доходящій до жестокости классовый эгоизмъ. Мало того, есть основаніе думать, что въ соціалистическомъ государствѣ, гдѣ различія расы, подданства и религіи должны отступить далеко на задній планъ, классовыя противорѣчія не только сохранятся, но, быть можетъ, получатъ еще большее значеніе.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

ПАРТІИ.

Партіи, подобно классамъ или профессіямъ, подчинены авторитету государства, но по своимъ цѣлямъ и составу онѣ неизмѣримо менѣе постоянны. Такъ, крупное землевладѣніе въ Германіи въ теченіе многихъ столѣтій сохраняло свой типъ въ существенныхъ чертахъ неизмѣннымъ, между тѣмъ какъ сравнительно лишь недавно народившіяся партіи, послѣ возникновенія новой Германской имперіи, почти совершенно преобразовались. Но если партіи такъ тѣсно примыкаютъ къ господствующимъ взглядамъ и стремленіямъ, то обстоятельство это влечетъ за собою то послѣдствіе, что онѣ самымъ глубокимъ образомъ вліяютъ на дѣятельность массъ. А когда партіи удается временно подчинить себѣ государство, то дѣятельность ея, при наличности извѣстныхъ условій, можетъ достигнуть чрезвычайной горячности и даже дикой, безчеловѣчной жестокости.

Ужасающій примѣръ безпощадной, отвергающей всѣ границы традиціонной нравственности, партійной борьбы представляетъ собою Германія въ эпоху тридцатилѣтней войны. Императоръ, глава католической партіи, собралъ со всѣхъ сторонъ отряды распущенныхъ до крайности солдатъ, чтобы при ихъ посредствѣ подчинить себѣ протестантскихъ князей Германіи. Но эти послѣдніе, чтобы защитить себя отъ его нападенія, соединились съ злѣйшимъ врагомъ имперіи, шведскимъ королемъ Густавомъ Адольфомъ и съ враждебнымъ протестантамъ королемъ Франціи. Въ теченіе этой продолжитель-

ной и ужасной партійной войны германскій народъ могъ убѣдиться, что право и нравственность теряютъ на цѣлыя десятилѣтія всякое значеніе, когда этого требуютъ интересы сильныхъ, и что вся этика можетъ быть сокрушена во имя религіи. Къ концу этой великой войны Германія въ значительной своей части превратилась въ пустыню, и ея населеніе, жизнь, честь и достояніе котораго въ теченіе цѣлаго человѣческаго поколѣнія отданы были на произволъ солдатъ, впало на два столѣтія въ сервилизмъ и политическое безсиліе.

Но и народныя партіи, которыя въ общемъ знаменуютъ собою прогрессъ человѣчества, дали не мало примѣровъ того, что сила и нравственность для нихъ совпадаютъ. Такъ, парижскіе якобинцы, когда въ 1792 г. пруссаки подступили къ Парижу, казнили въ тюрьмахъ мнимо народнымъ судомъ много тысячъ политическихъ заключенныхъ (сентябрьскія убійства). Но такія же жестокости совершили и роялисты въ 1795 г. послѣ паденія якобинства, а также впослѣдствіи, въ 1815 году, послѣ окончательной побѣды надъ Наполеономъ. Слѣпые приверженцы республики и монархіи упустили при этомъ изъ виду, что своимъ безчеловѣчнымъ способомъ дѣйствій они надолго дѣлали невозможнымъ упроченіе отстаиваемаго ими государственнаго устройства.

Къ этимъ двумъ типичнымъ случаямъ слѣпой партійной вражды читатель изъ личнаго своего и историческаго опыта безъ сомнѣнія съумѣетъ прибавить не мало аналогичныхъ случаевъ. На самомъ дѣлѣ въ каждой болѣе или менѣе долговѣчной и вліятельной партіи образуется съ теченіемъ времени сильный партійный духъ, выражающійся въ стремленіи во что бы то ни стало разгромить противника. Для достиженія этой цѣли всѣ средства обмана и насилія считаются дозволенными, велѣнія же традиціонной морали сознательно игнорируются. Слѣдуетъ, однако, признать, что разложеніе партіи по общему правилу является результатомъ не моральныхъ сомнѣній, овладѣвающихъ членами партіи, а именно нецѣлесообразныхъ преувеличеній партійнаго духа, которыя толкаютъ партію на путь преступленій.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

ПЕРЕХОДЪ КЪ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ МОРАЛИ.

Мысль, что соціальная жизнь людей направляется не велѣніями традиціонной нравственности, а существующими соотношеніями силъ, я пытался обосновать на предшествующихъ страницахъ многочисленными историческими примѣрами. Только историческіе факты общеизвѣстны. Только они могутъ быть точно установлены какъ въ отношеніи ихъ причинъ, такъ и внутренняго ихъ теченія. Если бы мы захотѣли для указанной цѣли воспользоваться малоизслѣдованными фактами изъ низшихъ соціальной жизни, то они навѣрное были бы подвергнуты сомнѣнію, особенно въ виду ихъ назначенія служить къ обоснованію новой этической системы. Но можно быть увѣреннымъ, что великіе конфликты расъ, государствъ, церквей, классовъ и партій вызываются тѣми же стимулами, какъ и мелкія недоразумѣнія въ предѣлахъ племени, общины и мѣстныхъ союзовъ.

Правда и эти менѣе значительные факты изъ глубинъ соціальной жизни въ настоящее время старательно изучаются и описываются въ статистическихъ трудахъ. Но статистическія изслѣдованія по большей части не точны и результаты ихъ ненадежны. Къ тому же по общему правилу они выясняютъ только внѣшнее теченіе, но не мотивы человѣческихъ дѣйствій.

Итакъ, историческая жизнь людей въ самомъ широкомъ значеніи этого слова—протекаетъ ли она въ королевскихъ замкахъ, въ парламентахъ, на поляхъ битвъ или въ организаціяхъ низшихъ слоевъ общества—опредѣляется существующими соотношеніями силъ, а не царящимъ надъ людьми нравственнымъ порядкомъ. Какъ, однако, обстоитъ дѣло съ частной жизнью людей, гдѣ индивидъ, безсильный и зависимый, противустоитъ огромной массѣ индивидовъ съ иными взглядами и стремленіями? Можетъ быть индивидуальная мораль является тою областью, гдѣ сила и вліяніе уступаютъ мѣсто господству объективнаго нравственнаго порядка? На этотъ вопросъ дастъ намъ отвѣтъ послѣдующее изложеніе (книга 2-я).

КНИГА ВТОРАЯ.

Нравственность индивидуальная.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ВОЛЯ И ДѢЙСТВІЕ.

Человѣческое поведеніе складывается изъ актовъ воли и соотвѣтствующихъ имъ дѣйствій. Актъ воли—явленіе внутреннее; дѣйствіе—явленіе внѣшнее. Для мирнаго сосуществованія людей, для взаимнаго ихъ приспособленія, составляющаго сущность нравственности, важно только внѣшнее поведеніе, простое же хотѣніе относится къ сферѣ индивидуальнаго бытія.

Важность внѣшняго поведенія проявляется съ особою ясностью въ коллективной морали,—въ той области, гдѣ совершаются самыя важныя человѣческія дѣйствія. Ибо хотя отъ имени общеній и дѣйствуютъ уполномоченные или неуполномоченные представители, но ихъ воля не можетъ быть признана равнозначущей съ волею всѣхъ членовъ общенія. Здѣсь, такимъ образомъ, въ сферѣ исторической дѣятельности массъ, мы видимъ, важныя, подлежащія моральной квалификаціи дѣйствія безъ точно соотвѣтствующей воли.

Въ сферѣ индивидуальной морали каждому внѣшнему дѣйствію соотвѣтствуетъ, по крайней мѣрѣ по общему правилу, внутреннее воле-опредѣленіе. Но человѣческое хотѣніе неясно и неустойчиво и само по себѣ рѣшающаго значенія для соціальной жизни оно не имѣетъ. Дѣйствующее лицо само только изъ своихъ собственныхъ дѣйствій узнаетъ, чего оно до совершенія ихъ серьезно хотѣло. Такъ у всякаго человѣка безъ сомнѣнія существуетъ твердое намѣреніе во всѣхъ превратностяхъ жизни оставаться мужественнымъ и стойкимъ, но

это не мѣшаетъ большинству людей, въ случаѣ возникновенія дѣйствительной опасности, поспѣшно обращаться въ бѣгство.

Ученіе о нравственности, исходящее изъ признанія религіозныхъ стимуловъ, должно, само собою разумѣется, придавать рѣшающее значеніе волѣ, какъ таковой. Пока господствуетъ религіозная вѣра, всевѣдущій Богъ дастъ религіозному ученію о нравственности то преимущество, что Онъ знаетъ самые сокровенные стимулы человѣческихъ дѣйствій и можетъ поэтому съ полною справедливостью награждать и наказывать безсмертныя души по завершеніи ими земного существованія. При такихъ условіяхъ человѣческая воля, покоющаяся въ тайникахъ нашего духа и допускающая непосредственную связь Божества съ нашими дѣйствіями и внушеніями, съ религіозной точки зрѣнія должна признаваться даже болѣе важной, чѣмъ внѣшнее поведеніе. Укажу только на то, что такіе глубоко религіозные люди, какъ апостолъ Павелъ, Лютеръ и Кальвинъ, признаютъ основнымъ условіемъ спасенія вѣру, а не дѣла, хотя признаніе религіозныхъ догматовъ, безъ сомнѣнія, еще дальше отъ дѣйствій людей, чѣмъ ихъ воля [1]).

Но и философскія системы съ сильной религіозной окраской имѣютъ тенденцію значительно переоцѣнивать значеніе доброй воли. Къ числу такихъ системъ надо отнести между прочимъ и философію Канта, которая представляетъ собою не только науку, но, по меньшей мѣрѣ въ равной степени, и раціоналистическую религію, достигающую, правда, своихъ цѣлей только далекимъ окружнымъ путемъ. Какъ извѣстно, Кантъ въ своей „Критикѣ чистаго разума“ опровергъ всѣ теоретическія доказательства существованія Бога, но только для того, чтобы тотчасъ же выставить утвержденіе, что бытіе Божіе и безсмертіе души суть необходимыя предпосылки нравственнаго закона [2]). Что это утвержденіе есть не что иное, какъ религіозный догматъ вѣры, доказываетъ буддизмъ, развившій болѣе утонченную и благородную мораль,

---

[1]) Ср. *D. Strauss*, Die christliche Glaubenslehre. Bd. 2 (1841), стр. 463—467

[2]) *Kant*, Kritik der reinen Vernunft, стр. 505, 627; Kritik der praktischen Vernunft, стр. 146, 149, въ изд. Kirchmann'a.

чѣмъ христіанство, и, однако, не признающій существованія личнаго Бога или безсмертія души.

Держась религіозной точки зрѣнія, Кантъ также долженъ былъ ставить добрую волю выше дѣйствія. Въ самомъ началѣ своего главнаго труда, посвященнаго этикѣ,—„Grundlegung zur Metaphysik der Sitten“ (стр. 10), онъ дѣлаетъ относительно доброй воли слѣдующее характерное замѣчаніе: „Нигдѣ въ мірѣ нѣтъ ничего, что можно было бы безъ ограниченія признать добрымъ, кромѣ доброй воли“. Съ тѣмъ же правомъ можно, однако, утверждать, что для сосуществованія людей нѣтъ ничего болѣе безполезнаго, чѣмъ добрая воля, которая, какъ таковая, не создаетъ добрыхъ дѣлъ.

Чисто человѣческая мораль, оставляющая въ сторонѣ религіозные стимулы, будетъ считаться съ дѣйствіями людей, а не съ темными и загадочными источниками ихъ въ душѣ человѣка. И мы видимъ, что въ практической жизни значеніе придается только внѣшнимъ дѣйствіямъ: мужъ довольствуется обладаніемъ и вѣрностью своей жены, государство требуетъ отъ своихъ гражданъ только налоговъ и рекрутовъ и даже церковь, которая хочетъ вліять на самую глубину человѣческаго духа, повсюду удовлетворяется внѣшними проявленіями благочестія. Точно также и юристы, призванные наблюдать и регулировать человѣческія дѣйствія, и въ гражданскомъ и въ уголовномъ правѣ игнорируютъ волю, какъ таковую; самые тираническіе законы стараго и новаго времени признаютъ не наказуемымъ преступный умыселъ, если онъ не сопровождался по крайней мѣрѣ началомъ исполненія. Правда, въ сферѣ права и морали нерѣдко имѣетъ большое значеніе, совершено ли дѣйствіе умышленно, неосторожно или случайно. Но и въ этихъ случаяхъ дѣйствіе должно служить гарантіей того, что подготовившая его воля была серьезной.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

СУЩЕСТВО ИНДИВИДУАЛЬНОЙ НРАВСТВЕННОСТИ.

Въ сознаніи народовъ коллективная нравственность съ одной и индивидуальная съ другой стороны и теперь еще проникнуты существенно различными идеями. Дѣйствія государствъ, церкви и другихъ общеній оцѣниваются

почти исключительно съ точки зрѣнія силы; здѣсь рѣчь идетъ только о томъ, были ли историческія дѣйствія предприняты съ необходимыми средствами. Въ послѣднія десятилѣтія эта точка зрѣнія подчеркивается даже еще опредѣленнѣе. Укажу только на то, что морализирующая исторіографія, господствовавшая въ эпоху просвѣщенія и еще въ первой половинѣ XIX вѣка представленная Шлоссеромъ, должна была какъ въ Германіи, такъ и въ другихъ странахъ уступить мѣсто чисто изобразительной исторіографіи, стремящейся, по примѣру Ранке, внѣ какой бы то ни было моральной оцѣнки, показать лишь то, что въ дѣйствительности было. Дѣйствія отдѣльныхъ лицъ, напротивъ того, и теперь еще повсюду подвергаются моральной оцѣнкѣ на основѣ религіозныхъ и философскихъ системъ нравственности. Благодаря этому получается, правда, довольно таки курьезное противорѣчіе: крупныя историческія дѣянія оцѣниваются неизмѣримо снисходительнѣе, чѣмъ ничтожныя дѣйствія въ ограниченной сферѣ индивидуальной жизни. Тѣмъ не менѣе это фактъ, съ которымъ нельзя не считаться и который легко объяснить, какъ результатъ дѣйствія существующихъ соціальныхъ соотношеній силъ. Такъ какъ вся наша нравственность есть только рефлексъ дѣйствующаго порядка силы, то естественно, что высшіе руководители государства и церкви, подчиняющіе себѣ, благодаря своему властному положенію и вліянію на народное воспитаніе, мнѣнія народныхъ массъ,—подвергаются болѣе снисходительной моральной оцѣнкѣ. Тенденція эта настолько сильна, что даже въ тѣхъ случаяхъ, когда они явно злоупотребляютъ довѣренной имъ силой, населеніе отказывается отъ прямого осужденія и приписываетъ ихъ ошибки вліянію плохихъ совѣтниковъ. Только въ лонѣ своей семьи и въ сношеніяхъ съ лицами, равными имъ по положенію, гдѣ различіе силъ не столь значительно, дѣйствія ихъ квалифицируются на основѣ общепринятыхъ моральныхъ критеріевъ. Такъ, даже Наполеонъ I, въ государственной жизни не признававшій ничего кромѣ силы, находился, однако, въ весьма замѣтной зависимости отъ своей жены и братьевъ.

То же явленіе мы наблюдаемъ на всѣхъ ступеняхъ огромной іерархіи силъ, начиная съ руководителей государства и церкви и вплоть до послѣдняго поденщика. Чѣмъ выше положеніе лица, тѣмъ свободнѣе оно можетъ сообразовывать

свои дѣйствія исключительно со своими интересами, не боясь моральнаго осужденія со стороны окружающихъ. И наоборотъ, чѣмъ ниже его рангъ въ іерархіи силъ, тѣмъ болѣе ждутъ отъ него преданности и самоотверженности. Напомню только о томъ, что большинство людей безъ всякихъ колебаній требуетъ отъ своей прислуги величайшихъ жертвъ, не давая ей взамѣнъ ничего, кромѣ скуднаго вознагражденія и высокомѣрнаго обращенія.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что объективныхъ добродѣтелей или пороковъ не существуетъ вовсе, и что все зависитъ отъ приспособленія или неприспособленія къ существующимъ соціальнымъ соотношеніямъ силъ. Образъ дѣйствій, который признается умилительной снисходительностью, когда ему слѣдуетъ монархъ, считается возмутительнымъ высокомѣріемъ, когда ему слѣдуетъ мелкій чиновникъ. Дипломатъ, который бы упустилъ великую цѣль, не желая прибѣгнуть ко лжи, былъ бы признанъ его коллегами и широкими кругами общества ограниченнымъ, между тѣмъ какъ ученый, отдающій всю свою жизнь истинѣ, пользуется величайшей симпатіей и уваженіемъ. Расходъ, который свободно можетъ себѣ позволить Ротшильдъ или Вандербильдъ, грозилъ бы среднесостоятельному человѣку опасностью опеки за расточительность. А цѣломудріе монаха, запертаго въ своей кельѣ, и цѣломудріе султана съ его огромнымъ гаремомъ? Развѣ это равноцѣнности? Словомъ, моральная оцѣнка человѣческихъ дѣйствій возможна только при тщательномъ соображеніи лежащихъ въ ихъ основаніи соотношеній силъ, а не на почвѣ общихъ принциповъ. Съ этой относительной точки зрѣнія и оцѣниваются дѣйствія каждаго отдѣльнаго лица какъ со стороны окружающихъ, такъ и со стороны болѣе широкихъ круговъ, когда послѣдніе призываются къ оцѣнкѣ.

Если, поэтому, я говорю ниже о лжи, высокомѣріи и другихъ „добродѣтеляхъ“ и „порокахъ“, то только для того, чтобы придерживаться традиціонныхъ понятій. Съ точки зрѣнія, здѣсь защищаемой, нравственность есть только проблема силы. Кто приспособляетъ свои дѣйствія къ положенію своему въ іерархіи силъ и въ то же время относится съ должнымъ уваженіемъ къ положенію другихъ, тотъ поступаетъ добродѣтельно, въ противномъ случаѣ — порочно. Длящійся способъ дѣйствій въ этомъ направленіи принято называть добродѣ-

тельно или порокомъ. Ниже мы увидимъ, что это примѣнимо не только къ коллективной, но и къ индивидуальной морали.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

ДѢЙСТВІЯ, ОПАСНЫЯ ДЛЯ ПОТОМСТВА.

Переходя теперь къ детальному анализу индивидуальной морали, я долженъ предупредить, что въ мои намѣренія не можетъ входить начертаніе полнаго каталога моральныхъ обязанностей и связанныхъ съ ними добродѣтелей и пороковъ. Кто окинетъ взглядомъ всю іерархію силъ опредѣленнаго общественнаго строя и ея судьбы, тотъ легко конструируетъ свойственную ей мораль, т. е. мораль живую и дѣйствующую въ противоположность канцельской или книжной. Притомъ и самый языкъ повсюду оказываетъ значительное вліяніе на образованіе и ограниченіе этическихъ понятій. Даже мода и настроеніе дня не лишены здѣсь значенія. Я хорошо помню, что до крупнаго биржевого краха 1873 г. всѣ въ Вѣнѣ и Берлинѣ удивлялись смѣлости счастливыхъ биржевыхъ спекулянтовъ, — тѣхъ самыхъ спекулянтовъ, которыхъ, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, называли сумасбродными или безсовѣстными игроками.

Многіе моралисты дѣлятъ нравственныя обязанности на двѣ группы: на обязанности по отношенію къ самому себѣ и на обязанности по отношенію къ другимъ. Но только эти послѣднія можно разсматривать, какъ дѣйствительныя моральныя обязанности. Если мы признаемъ нравственность приспособленіемъ къ существующимъ соціальнымъ соотношеніямъ силъ, то это прямое требованіе логики. Но и со всякой другой точки зрѣнія моральныя обязанности по отношенію къ самому себѣ неприемлемы, такъ какъ представляется невозможнымъ, чтобы кто-либо имѣлъ правовыя или моральныя притязанія къ самому себѣ. Умѣренность въ пищѣ, питьѣ и половыхъ удовольствіяхъ, цѣлесообразная смѣна труда и отдыха, опрятность и тому подобныя свойства не составляютъ поэтому объекта моральнаго закона. Это—сфера воспитанія и науки, а не моральныхъ велѣній.

Самоубійство и самоизувѣченіе также не подлежатъ мо-

ральному закону. Религіозныя этическія системы, къ которымъ можно отнести и систему Канта, квалифицируютъ эти дѣйствія какъ безнравственныя, такъ какъ индивидъ вмѣшивается ими въ предначертанія Божіи. По чисто свѣтская мораль должна принять въ соображеніе, что тѣло самою природою всецѣло подчинено человѣку и что поэтому послѣдній — по крайней мѣрѣ по общему правилу — не выходитъ за предѣлы естественной сферы своей власти, совершая самоубійство или самоизувѣченіе. Старшій Плиній, пережившій страшныя времена Нерона, очень красиво говоритъ, что своею способностью къ самоубійству человѣкъ превосходитъ боговъ, такъ какъ можетъ по собственному своему рѣшенію уйти отъ гнета этой жизни. Самоубійца поступаетъ безнравственно только въ тѣхъ, правда, многочисленныхъ случаяхъ, когда онъ, налагая на себя руки, вторгается въ чужую сферу,—когда, напримѣръ, глава семьи, обязанный содержать и воспитать ее, путемъ самоубійства уклоняется отъ этой обязанности.

Вообще въ отношеніи дѣйствій, которыя составляютъ объектъ мнимыхъ обязанностей къ самому себѣ, слѣдуетъ имѣть въ виду интересы не столько самого дѣйствующаго лица, сколько его потомства. Ибо умѣренность въ ѣдѣ и питьѣ, опрятность и отвращеніе къ переутомленію и самоубійству гарантируются уже инстинктомъ самосохраненія, присущимъ индивиду, между тѣмъ какъ интересы грядущихъ поколѣній до сихъ поръ еще повсюду предоставляются государствомъ и церковью на волю случая. Общій характеръ нравственности, какъ результата дѣйствія силы, проявляется здѣсь съ особою ясностью: людямъ, уже живущимъ и дѣйствующимъ, моральныя силы даютъ безусловное предпочтеніе передъ грядущими поколѣніями, безсильно покоющимися еще во чревѣ будущаго.

И тѣмъ не менѣе образъ дѣйствій человѣка, который въ состояніи опьяненія или сифилиса даетъ жизнь ребенку или изъ легкомыслія чрезмѣрно увеличиваетъ свою семью, — нерѣдко сопровождается худшими послѣдствіями, чѣмъ, напримѣръ, нанесеніе тяжкаго увѣчья, не говоря уже о преступленіи, направленномъ только противъ собственности. Тщетно было бы, однако, искать въ нашихъ правовыхъ и моральныхъ законахъ нормы, которая могла бы дать послѣдующимъ поколѣніямъ дѣйствительную защиту противъ полового эгоизма и неблагоразумія поколѣній предшествующихъ.

Естественные законы наслѣдственной передачи духовныхъ и физическихъ свойствъ отъ родителей къ дѣтямъ, а также законъ народонаселенія Мальтуса относятся, правда, къ тѣмъ истинамъ, которыя открыты или вѣрнѣе признаны только въ истекшемъ столѣтіи. Христіанская половая мораль основана, напротивъ того, на этическихъ воззрѣніяхъ стараго іудейства, которое, подобно полуварварскимъ народамъ, признавало обильное потомство уже само по себѣ большимъ счастіемъ и преимуществомъ. Христіанская мораль просто повторяетъ эти давно отжившія воззрѣнія, подобно тому какъ и въ другихъ сферахъ она постепенно теряетъ способность приспособляться къ новымъ истинамъ и потребностямъ.

Современное государство и современное право также еще весьма далеки отъ рѣшенія этой важной задачи. Государство и въ настоящее время оказываетъ лишь незначительное вліяніе на частное право: оно почти безпомощно даже по отношенію къ самымъ ужаснымъ искаженіямъ имущественнаго и семейственнаго права. Многіе кодексы и юристы и теперь еще исходятъ изъ той точки зрѣнія, что половыя отношенія супруговъ относятся не къ области права, а исключительно къ сферѣ нравственности. И вмѣсто старой еврейской переоцѣнки того „благословенія“, которое представляетъ собою потомство, мы имѣемъ теперь интересъ сельскихъ хозяевъ и промышленниковъ, нуждающихся для своихъ предпріятій въ многочисленныхъ дешевыхъ рабочихъ рукахъ. Вообще, пока государство противустоитъ частному праву какъ изолированной крѣпости, въ которую оно можетъ проникнуть только окольными путями, оно никогда не сможетъ оказать дѣйствительную защиту интересамъ грядущихъ поколѣній. Ниже (III, 7) мы увидимъ, какія измѣненія въ соотношеніи силъ необходимы для достиженія этой цѣли.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

ЛЮБОВЬ КЪ БЛИЖНЕМУ.

Глубокое впечатлѣніе производятъ на вѣрующихъ тѣ велѣнія, которыя касаются въ религіозныхъ и философскихъ системахъ морали общаго этическаго отношенія людей другъ къ другу. Здѣсь основатели религій и учители морали

положительно утопаютъ въ человѣколюбивыхъ чувствахъ и возвышенныхъ сентенціяхъ, умалчивая, впрочемъ, о томъ, что отдѣльными предписаніями права и морали они могутъ быть отмѣнены или даже превращены въ свою противоположность.

Христіанская этика, которая и здѣсь страдаетъ большими преувеличеніями, требуетъ отъ христіанина, чтобы онъ любилъ ближняго, какъ самого себя [1]), не противился злу и, наоборотъ, платилъ добромъ за зло [2]). Буддизмъ, хотя и не предписываетъ такой общей безразборной любви къ ближнему [3]), но проповѣдуетъ религіозную и національную терпимость [4]) и также требуетъ отъ своихъ послѣдователей, чтобы они платили добромъ за зло [5]). Исламъ всего ближе подходитъ къ реальной морали: предписывая кротость и милосердіе въ отношеніи правовѣрныхъ, онъ въ то же время въ отношеніи невѣрныхъ проповѣдуетъ ненависть и уничтоженіе [6]), а несправедливость предписываетъ отомщать по староеврейскому [7]) правилу: око за око и зубъ за зубъ [8]).

Такъ какъ христіанство—имъ я могу здѣсь ограничиться—предписываетъ каждому почти безграничное самоотреченіе въ интересахъ ближняго, то можно было бы ожидать, что оно будетъ бороться противъ тѣхъ соціальныхъ учрежденій, которыя по своему преобладающему характеру неизбѣжно разобщаютъ людей другъ отъ друга. Въ дѣйствительности, однако, христіанство борьбы указаннымъ соціальнымъ учрежденіямъ никогда не объявляло, напротивъ того, оно всегда призна-

---

[1]) Матѳ. 22, 39; — Павелъ, къ римл. 13, 9; гал. 5, 14; — Іак. 2, 8. Ср. также—3 Моис. 19, 18.

[2]) Матѳ. 5, 39—48;—Луки 6, 27—38 и т. д.

[3]) Что буддизмъ не знаетъ общей неограниченной любви къ ближнему христіанства, ясно показываетъ знаменитое изреченіе Будды, которое гласитъ: «Не служить глупцу, служить мудрому», «Воздавать честь, кому честь подобаетъ,—въ этомъ высочайшее блаженство». Такого изреченія никогда не могъ бы сдѣлать Христосъ, который возвеличиваетъ нищихъ духомъ (Матѳ. 5, 3).

[4]) *Olcott*. Der buddhistische Katechismus; нѣм. пер. Bischoff'a, 2 изд. (1902 г.), стр. 86.

[5]) *Olcott*., op. cit., стр. 56.

[6]) Коранъ, Сура 9, 5, 29.

[7]) 2 Моис. 21, 24; 3 Моис. 24, 20; 5 Моис. 19, 21.

[8]) Коранъ, Сура 2, 173—175.

вало существующій государственный, правовой и экономическій строй. Между тѣмъ строй этотъ отмежевываетъ отдѣльнымъ членамъ общества строго опредѣленныя сферы дѣятельности, въ которыхъ каждый долженъ запереться какъ въ крѣпости, чтобы гарантировать себѣ свое существованіе. Постоянно соприкасаясь и сталкиваясь, сферы эти дѣлаютъ истинно христіанскую любовь къ ближнему невозможною, какъ невозможны дружественныя чувства между современными вооруженными до зубовъ государствами. Даже милосердіе къ бѣднымъ и угнетеннымъ, предписываемое всѣми религіями, нельзя считать актомъ христіанской любви къ ближнему, ибо и здѣсь творящій добро сохраняетъ въ отношеніи къ одаряемому защищенную позицію, чтобы изъ-за твердынь ея выбрасывать свое скудное подаяніе.

Два другія положенія—не противиться злу и платить добромъ за зло—еще менѣе совмѣстимы съ государственнымъ и правовымъ порядкомъ. Уже уголовное право, одинъ изъ старѣйшихъ и самыхъ важныхъ институтовъ человѣчества, противорѣчитъ этимъ принципамъ, такъ какъ главная его цѣль состоитъ въ томъ, чтобы за каждое болѣе или менѣе важное зло воздать равночувствительнымъ зломъ. Но осуществленіе ихъ невозможно и въ чисто моральной сферѣ, ибо оно должно было бы вызвать продолжительный перевѣсъ злыхъ надъ добрыми со всѣми его вредными послѣдствіями.

Христосъ самъ сознавалъ внутреннюю несостоятельность начала любви къ ближнему и выставилъ положеніе: „отдавайте кесарево кесарю, а Божіе Богу“ (Матѳ. 22, 21) и такимъ образомъ призналъ римскій государственный порядокъ, несмотря на всю его суровость и жестокость. Католическая церковь также всегда мирилась съ дѣйствующимъ государственнымъ и правовымъ строемъ разныхъ народовъ, какъ съ существующимъ фактомъ, и боролась только съ тѣми учрежденіями, которыя противорѣчили ея іерархическимъ притязаніямъ. Бюрократическія протестантскія церкви, а тѣмъ болѣе православная, еще менѣе были способны оказывать противодѣйствіе покровительствующему имъ государству. Такимъ образомъ, христіанство во всемъ его цѣломъ, ставя на знамени своемъ любовь къ ближнему, проповѣдуетъ мораль, достойную святыхъ, но въ то же время осуществляетъ практику, которою и самые кровожадные изъ завоевателей были довольны.

Мы видѣли, такимъ образомъ, уже въ самомъ началѣ нашего анализа отдѣльныхъ добродѣтелей и пороковъ, что человѣческія дѣйствія, какъ массовое явленіе, зависятъ отъ соотношенія соціальныхъ силъ. Поэтому тотъ, кто хочетъ путемъ моральныхъ предписаній побудить людей дѣйствовать вопреки этимъ соотношеніямъ,—будь онъ даже великій основатель религіи,—быть можетъ вызоветъ у современниковъ и потомства удивленіе, но никогда не встрѣтитъ дѣйствительнаго послушанія.

До какой степени тщетно предписывать людямъ чрезмѣрную любовь къ ближнему вопреки всему правовому и моральному порядку,—это правильно понялъ уже великій китайскій мудрецъ Конфуцій [1]). Одинъ изъ предшествовавшихъ ему мудрецовъ Лао-тси училъ подобно Христу, что враждебныя дѣйствія нужно отплачивать благодѣяніями. Когда Конфуцію предложили высказаться по этому предмету, то онъ отвѣтилъ: „Чѣмъ же мнѣ платить тогда моимъ друзьямъ. Воздай за добро добромъ, а за зло справедливостью“.

Трезвый отвѣтъ Конфуція, конечно, не вызоветъ ни въ комъ удивленія, но за то для средняго человѣка намѣчаемая этимъ отвѣтомъ ступень нравственности реально достижима.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

ЛОЖЬ.

Ложь — одно изъ важнѣйшихъ соціальныхъ явленій міра. Гдѣ сила, тамъ и ложь. Значительная часть соціальныхъ учрежденій въ нашихъ цивилизованныхъ и нецивилизованныхъ государствахъ основана на завѣдомой неправдѣ. И, къ сожалѣнію, слишкомъ общеизвѣстно, что даже съ введеніемъ демократическихъ учрежденій господство лжи, хотя и смягчается, но не уничтожается вполнѣ.

Можно различать **публичную** и **частную** ложь. Первая призвана служить интересамъ расы, государства, церквей, классовъ, партій и ихъ повелителей, вторая—интересамъ отдѣльныхъ лицъ. Лицо, въ пользу котораго истина всего

---

[1]) Ср. *Gabelentz*, Konfuzius und seine Lehre, 1888, стр. 14.

больше искажается въ публичной и частной жизни, является самымъ могущественнымъ въ государствѣ. Оно стоитъ на вершинѣ огромной лѣстницы лжи и обмана, которая постепенно спускается вплоть до самыхъ бѣдныхъ и безсильныхъ, при чемъ этимъ послѣднимъ уже всегда приходится выслушивать одну только правду, и лишь въ исключительныхъ случаяхъ они удостоиваются скромной частной лжи отъ своихъ родственниковъ и друзей.

Публичная ложь обнимаетъ ложь политическую, религіозную и научную; сюда же относится и ложь въ сферѣ искусства. Ея различныя формы относятся не столько къ морали, сколько къ теоретической философіи. Я остановлюсь поэтому болѣе подробно на ея широкомъ господствѣ въ человѣческой жизни въ другомъ мѣстѣ. Здѣсь же я намѣренъ дать только краткую характеристику главнѣйшихъ ея видовъ, причемъ иллюстрирую ихъ нѣкоторыми яркими примѣрами. Моралисты стараго и новаго времени благоразумно уклонялись отъ изслѣдованія публичной лжи и всю свою ненависть направляли противъ сравнительно безобидной частной лжи.

Одинъ изъ важнѣйшихъ видовъ публичной лжи это—**политическая ложь**, принимающая весьма разнообразныя формы. Такъ, въ большинствѣ монархическихъ государствъ дѣйствуетъ правило, что король не можетъ совершить правонарушенія (the King can do no wrong), хотя въ каждомъ учебникѣ исторіи мы найдемъ многочисленныя доказательства тому, что государственные перевороты и подобныя имъ нарушенія права исходятъ именно отъ монарховъ, и что министры играютъ при этомъ только второстепенную роль простыхъ орудій въ рукахъ монарховъ. Нарушенія уваженія къ монарху и возбужденіе ненависти и презрѣнія къ правительству караются въ большинствѣ монархическихъ государствъ и въ томъ случаѣ, когда инкриминируемыя заявленія были совершенно истинны и справедливы. Но и въ демократическихъ республикахъ нѣкоторая доза неправды по отношенію къ суверенному народу представляетъ собою твердо укоренившійся обычай, правда, не въ столь широкихъ размѣрахъ, какъ въ монархіяхъ, такъ какъ въ республикѣ государственная власть менѣе концентрирована.

Главнымъ случаемъ **религіозной** лжи можно признать то положеніе, которое занимаютъ господствующіе классы населенія въ отношеніи подчиненныхъ классовъ во всѣхъ хри-

стіанскихъ государствахъ въ вопросахъ культа и религіи. Здѣсь почти повсюду дѣйствуетъ принципъ, что для народа религія должна быть сохранена, хотя господствующіе слои населенія, навязывающіе народу вѣру въ откровеніе, сами въ огромномъ большинствѣ уже давно ее потеряли. Съ этимъ способомъ дѣйствій естественно связывается у господствующихъ классовъ и притворное благочестіе.

Научная ложь вызывается по преимуществу отношеніемъ науки къ церкви и государству. Такъ, Декартъ, подвергшій сомнѣнію въ своихъ философскихъ трудахъ середины XVII вѣка всѣ признававшіяся до того истины, дѣлаетъ исключеніе изъ этого общаго скептицизма только для извѣстнаго положенія: я мыслю, слѣдовательно я существую (cogito ergo sum) и—для догматовъ католической церкви [1]); и это совершенно понятно, такъ какъ еще въ 1600 г. церковь сожгла философа Джіордано Бруно, въ 1619 г. той же участи подвергла Ванини, а въ 1632 и 1633 г., т. е. незадолго до появленія перваго труда Декарта (1637 г.), возбудила судебное преслѣдованіе противъ Галилея. Во второй половинѣ XVIII вѣка боязливая полу-религіозность Канта явно свидѣтельствуетъ о томъ, что эпоха просвѣщенія значительно расшатала, но еще не разрушила внѣшней власти христіанскихъ церквей; тѣмъ не менѣе осторожность Канта въ религіозныхъ вопросахъ не защитила его отъ мѣръ воздѣйствія со стороны его монарха. Наконецъ, въ XIX вѣкѣ Шопенгауэръ и Ницше—хотя и консервативно настроенные мыслители—уже относятся къ христіанству съ высокомѣрнымъ пренебреженіемъ,—явный признакъ того, что французская революція и связанныя съ нею движенія уже успѣли почти совершенно разрушить внѣшнюю власть христіанскихъ церквей. Если, однако, основныя воззрѣнія науки въ настоящее время свободны отъ вліянія церкви, то они далеко не свободны отъ вліянія государства, которое въ послѣднія столѣтія не только не потеряло своей фактической власти, но напротивъ того еще значительно ее усилило.

Частная ложь, хотя и должна служить всегда интересамъ отдѣльныхъ лицъ, но вызывается она частью публично-правовыми, частью частно-правовыми соотношеніями силъ. Нерѣдко

---

[1]) *Cartesius*, Discours sur la méthode (1637), гл. 3.

сильный самъ вынуждаетъ ложь отъ безсильныхъ. Такъ, монархъ въ сношеніяхъ съ своими подвластными требуетъ, какъ естественной вѣжливости, чтобы они восхваляли его мудрость и милосердіе, даже въ томъ случаѣ, когда онъ въ дѣйствительности вовсе не мудръ и не милостивъ. Его подданные, поскольку они по своей должности или богатству могутъ располагать судьбою другихъ людей, требуютъ со стороны этихъ послѣднихъ такой же лести, хотя и съ разницею въ выраженіяхъ. Мало того, всякая „хозяйка", какого бы она происхожденія ни была, считаетъ необходимымъ, чтобы прислуга приписывала ей несуществующія добродѣтели и оказывала неиспытываемое уваженіе—словомъ, чтобы она ей лгала во всю.

Но частная ложь нерѣдко служитъ для безсильныхъ средствомъ вводить въ заблужденіе сильныхъ противъ ихъ воли. Уже въ публичной жизни политическія учрежденія производятъ на низшіе слои населенія сильнѣйшее давленіе, значительно смягчаемое, впрочемъ, участіемъ народа въ управленіи и законодательствѣ въ государствахъ конституціоннаго устройства. Въ сферѣ же частнаго права идущій сверху гнетъ еще сильнѣе. Тутъ наемные рабочіе, квартиро-наниматели, арендаторы, словомъ огромное большинство населенія прямо-таки стонетъ въ тискахъ работодателей, домовладѣльцевъ, собственниковъ арендуемыхъ земель, и проч. [1]). И вотъ это страшное давленіе, эту огромную отвѣтственность, возложенную господствующими на подвластныхъ, слабые стараются смягчить путемъ лжи и обмана. Нерѣдко богатые и знатные хвастаютъ своею откровенностью и прямотою по сравненію съ хитростью и лживостью подчиненныхъ, упуская при этомъ изъ виду, что это различіе, поскольку оно вообще существуетъ, есть только моральный рефлексъ правовыхъ привилегій.

Ложь въ ея важнѣйшихъ формахъ имѣетъ такимъ образомъ своимъ источникомъ политическій и частью правовой деспотизмъ. Герберть Спенсеръ приписываетъ, впрочемъ, характерную лживость нѣкоторыхъ народовъ исключительно политическому деспотизму [2]). Но нельзя же не видѣть, что ча-

---

[1]) *Menger*, Neue Staatslehre, II, 9.

[2]) *Herbert Spencer*, The principles of Ethics, т. I (1892 г.), § 160.

стно-правовыя отношенія господства охватываютъ неизмѣримо болѣе широкіе слои населенія и оказываютъ на нихъ неизмѣримо болѣе глубокое вліяніе, чѣмъ самый строгій абсолютизмъ, вліяніе котораго распространяется лишь на сравнительно узкія сферы жизни. Спенсеръ—врагъ политическаго абсолютизма, деспотизма въ крупномъ, но другъ частнаго права, деспотизма въ маломъ.

Если мы примемъ во вниманіе это широкое господство лжи въ публичной и частной жизни, отъ котораго никто не можетъ спастись и всего менѣе лица, играющія роль въ общественной жизни, то та безпощадная строгость, съ которою иные моралисты нападаютъ именно на наиболѣе безвредныя формы частной лжи, должна быть признана грубымъ преувеличеніемъ. Такъ, Кантъ въ его очеркѣ „О мнимомъ правѣ лгать изъ человѣколюбія“ (Ueber ein vermeintliches Recht aus Menschenliebe zu lügen, 1797) утверждаетъ, что „лживое заявленіе убійцѣ, который спрашиваетъ насъ, не скрывается ли въ нашемъ домѣ преслѣдуемый имъ другъ нашъ, есть преступленіе“. Но осуществилъ ли Кантъ въ своей собственной жизни эту доведенную до каррикатуры любовь къ правдѣ? Какъ ученикъ Руссо, онъ былъ весьма радикаленъ въ политическихъ вопросахъ и, не скрываясь, давалъ волю своему настроенію въ устныхъ бесѣдахъ и въ трудахъ, не предназначенныхъ для широкой гласности [1]). Но въ своемъ „Ученіи о правѣ“, написанномъ и изданномъ при Фридрихѣ Вильгельмѣ II (1797 г.), Кантъ защищаетъ суровый абсолютизмъ и доходитъ до утвержденій, способныхъ внушить ужасъ своимъ доктринерствомъ, а именно, что въ государствѣ властитель имѣетъ въ отношеніи подданнаго только права и никакихъ принудительныхъ обязанностей, и что даже явнымъ законопарушеніямъ властителя подданный можетъ противопоставить только жалобы, но отнюдь не противодѣйствіе [2]). Это приспособленіе Канта къ политическимъ теченіямъ времени безъ сомнѣнія заслуживаетъ, съ точки зрѣнія традиціонной нравственности, неизмѣримо

---

[1]) Ср. найденный послѣ смерти Канта фрагментъ «Von der Freiheit» въ собр. соч. изд. Rosenkranz'a, т. 11 ч. 1 (1842 г.), стр. 253—255; далѣе *Jachmann*, Immanuel Kant., geschildert in Briefen (1804 г.), стр. 125.

[2]) *Kant*, Rechtslehre, § 49. Ср также ниже III, 3.

большаго осужденія, чѣмъ ложь, вынужденная необходимостью спасти жизнь друга. Но съ точки зрѣнія теоріи силы и тотъ и другой способъ дѣйствій равно понятны, такъ какъ они одинаково вызываются длящимися или преходящими соотношеніями силъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

КЛЯТВОПРЕСТУПЛЕНІЕ.

Самый тяжкій видъ лжи это—клятвопреступленіе. Различаютъ клятвенное обѣщаніе и показаніе подъ присягою. Въ первомъ случаѣ присягающій, призывая имя Божіе, обѣщаетъ какое-либо будущее дѣйствіе, во второмъ случаѣ присягающій подтверждаетъ именемъ Бога дѣйствительность какого-либо относящагося къ прошедшему или настоящему факта. Обѣщаніе подъ присягою мы имѣемъ, напримѣръ, когда должностное лицо или офицеръ присягаетъ на вѣрность своему королю; показаніе подъ присягою—когда свидѣтель или сторона въ дѣлѣ присягаетъ передъ судомъ, что спорная сумма дѣйствительно выплачена кредитору.

Клятвенное обѣщаніе, важнѣйшимъ видомъ котораго является присяга гражданскихъ и военныхъ должностныхъ лицъ, относится преимущественно къ сферѣ публичной жизни, тогда какъ показаніе подъ присягою играетъ роль преимущественно въ гражданскомъ и уголовномъ процессѣ, стало быть въ ограниченныхъ сферахъ индивидуальной жизни. Уклоненіе отъ истины въ томъ и другомъ случаѣ весьма поэтому схоже съ ложью публичной и частной.

Клятвопреступленіе въ видѣ нарушенія клятвеннаго обѣщанія представляетъ собою важный, широко распространенный актъ безнравственности. Во всѣхъ государствахъ міра, монархіяхъ и республикахъ, правительства требуютъ обыкновенно отъ чиновниковъ, солдатъ и даже отъ всего народа присяги на вѣрность и, если затѣмъ глава государства или форма правленія насильственно ниспровергается, то сотни тысячъ и даже милліоны людей, присягая новому правительству, совершаютъ клятвопреступленіе. Быть можетъ ни въ какомъ другомъ случаѣ нарушенія требованій нравственности не произ-

лается съ такою яркостью тотъ фактъ, что нравственность по существу только результатъ дѣйствія силы: огромныя массы гражданъ, вообще вполнѣ почтенныхъ, совершаютъ самое гнусное дѣяніе, потому что этого требуютъ отъ нихъ политическія соотношенія силъ.

Такъ, во Франціи съ начала великой революціи слѣдовали другъ за другомъ королевство, республика, консульство и имперія, бурбонское и буржуазное королевство, вторая республика, вторая имперія и третья республика. Каждый изъ этихъ переворотовъ сопровождался милліонами нарушеній присяги. Когда ганноверскій король Эрнстъ-Августъ, чтобы вернуть себѣ право собственности на государственные домены и расплатиться со своими долгами, вѣроломно отмѣнилъ (въ 1837 г.) конституцію 1833 г., которой всѣ присягнули, то только семь профессоровъ Геттингенскаго университета („семь геттингенцевъ") отказались принести новую присягу. Въ 1848 г. очень легко достигалось принесеніе чиновниками и военными присяги новымъ конституціямъ, но это нигдѣ не мѣшало отмѣнѣ ихъ въ ближайшіе годы путемъ государственныхъ переворотовъ. И точно также массовыя присяги на вѣрность, которыя давались чиновниками, солдатами и корпораціями итальянскимъ и нѣмецкимъ князьямъ въ 1859—1866 г.г., изгнаннымъ частью революціями, частью покореніемъ, не принесли этимъ князьямъ никакой пользы.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ, которые легко можно было бы умножить многими сотнями аналогичныхъ примѣровъ, только ничтожное меньшинство оставалось вѣрнымъ своей присягѣ. Такая стойкость свойственна лишь исключительнымъ натурамъ, и подвигъ ихъ по справедливости надолго запечатлѣвается въ памяти народовъ. Въ какой, однако, степени всѣ увѣрены, что каждому данному монарху будетъ принесена соотвѣтственная присяга, даже когда она явно противорѣчитъ прежнимъ клятвеннымъ обѣщаніямъ, усматривается съ очевидностью изъ того факта, что многіе политики вообще отвергаютъ политическую присягу, какъ безцѣльное насиліе надъ совѣстью.

Гораздо строже осуждается и нравомъ и моралью ложное показаніе подъ присягою, хотя по общему правилу оно примѣняется только въ лишенныхъ особаго значенія уголовныхъ и гражданскихъ процессахъ. За ложнымъ показаніемъ не стоитъ здѣсь, какъ при нарушеніи клятвеннаго обѣщанія, сила

верховнаго носителя власти; въ процессѣ участники противустоятъ другъ другу какъ равноправныя стороны, и потерпѣвшій можетъ преслѣдовать клятвопреступника всѣми средствами правового воздѣйствія. Этимъ различіемъ въ отношеніяхъ права къ разнымъ видамъ нарушенія присяги и обусловливается разница въ моральномъ сужденіи массы. Только въ тѣхъ случаяхъ, когда въ гражданскомъ или уголовномъ процессѣ дѣло идетъ о жизненныхъ интересахъ могущественныхъ лицъ или корпорацій, оказывающихъ на присягающаго извѣстное давленіе, ложное показаніе, какъ это подтверждаетъ практика, вызываетъ болѣе снисходительное къ себѣ отношеніе, въ особенности же это примѣнимо къ тѣмъ случаямъ, гдѣ можетъ быть констатирована позорная дѣятельность учрежденій, призванныхъ затруднять вполнѣ безпристрастныя показанія.

При государственныхъ переворотахъ зачастую имѣетъ мѣсто противорѣчіе, что судья, который сегодня самъ нарушилъ присягу и притомъ въ важнѣйшемъ дѣлѣ своего отечества, завтра налагаетъ безчестящее наказаніе на гражданина, давшаго ложное показаніе въ ничтожномъ гражданскомъ процессѣ. Въ этихъ случаяхъ опять находитъ себѣ подтвержденіе защищаемое нами положеніе, что сила и нравственность по существу тождественны.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

КОРЫСТОЛЮБІЕ.

Въ соціалистическомъ обществѣ корыстолюбіе должно было бы весьма значительно ослабѣть по сравненію съ нынѣшними условіями. Если бы осуществилось совершенно равномѣрное распредѣленіе матеріальныхъ благъ между всѣми членами общества, т.-е. чисто коммунистическій хозяйственный строй, то корыстолюбіе, вмѣстѣ съ возможностью его удовлетворенія, совсѣмъ бы исчезло. Но и въ собственно соціалистическомъ государствѣ, допускающемъ неравенство экономическихъ притязаній [1]), хозяйственная жизнь свелась бы къ

[1]) *Menger*, Neue Staatslehre, 2. Aufl. 1904, I, 4, 11.

труду и къ вознагражденію за трудъ, благодаря чему отпали бы самыя заманчивыя цѣли корыстолюбія и оно сохранилось бы только въ видѣ умѣреннаго стремленія къ улучшенію матеріальнаго положенія. На этомъ мы подробно остановимся еще въ третьей книгѣ (III, 9), гдѣ я разсматриваю средства къ улучшенію моральнаго строя.

Въ нашемъ современномъ обществѣ хозяйственное положеніе индивида основано на заработной платѣ и нетрудовомъ доходѣ. Къ заработной платѣ относится главнымъ образомъ являющійся результатомъ приложенія труда доходъ сельскохозяйственныхъ и промышленныхъ рабочихъ, должностныхъ лицъ и солдатъ; сюда же слѣдуетъ отнести и расходы по содержанію и воспитанію будущаго рабочаго, а также поддержка рабочаго въ случаяхъ болѣзни, увѣчья, старости и инвалидности. Къ нетрудовому же доходу относится: земельная рента и прибыль съ капитала, синекуры, чрезмѣрно высоко оплачиваемыя должности и вообще всѣ доходы, получаемые безъ соотвѣтственнаго труда. По вычисленіямъ Шмоллера, который въ соціальномъ вопросѣ стоитъ на чисто консервативной точкѣ зрѣнія, изъ 25 милліардовъ національнаго дохода Германіи на заработную плату приходится 18 милліардовъ и только 7 милліардовъ на нетрудовой доходъ [1]). Соціалистъ же Чарльзъ Голль (Hall) принималъ для Англіи своего времени (1805 г.), что только $^1/_8$ національнаго дохода достается рабочимъ классамъ и $^7/_8$ богатымъ въ видѣ нетрудового дохода [2]).

Въ классахъ общества, хозяйственное положеніе которыхъ основано преимущественно на заработной платѣ, корыстолюбіе почти никогда не выходитъ за извѣстные предѣлы. Здѣсь повышеніе жизненнаго обихода предполагаетъ увеличенный или улучшенный трудъ, и хозяйственная фантазія указанныхъ классовъ никогда поэтому не заносится слишкомъ высоко. Преобладающимъ моральнымъ дефектомъ рабочихъ, чиновничьихъ и военныхъ семей является при такихъ условіяхъ не корыстолюбіе, а чрезмѣрная бережливость, скупость.

Въ противоположность этому, между сельско-хозяйствен-

---

[1]) *Schmoller*, Grundriss der allg. Volkswirtschaftslehre (1904). Стр. 887, 888.

[2]) *Menger*, Das Recht auf den vollen Arbeitsertrag, 3 Aufl. 1904, § 4.

ными, промышленными и коммерческими предпринимателями ведется ожесточенная борьба за нетрудовой доходъ. Въ Германіи семья съ ежегоднымъ нетрудовымъ доходомъ въ 7,000 марокъ можетъ жить, если и просто, то во всякомъ случаѣ здорово, пріятно и, что всего важнѣе, независимо. Такихъ однако ситуацій по вычисленіямъ Шмоллера—рѣшительнаго противника соціализма—имѣется въ Германіи, при равномѣрномъ распредѣленіи, не менѣе милліона; это число, пожалуй, придется увеличить, быть можетъ, вдвое. Мы, впрочемъ, хотимъ только указать на то, что чѣмъ выше нетрудовой доходъ, тѣмъ значительнѣе не только благосостояніе, но и сила его обладателя, при чемъ прогрессія эта простирается вплоть до высшихъ ступеней денежной іерархіи, гдѣ Ротшильды, Крупны, Вандербильды могутъ уже соперничать сферою своего вліянія съ императорами и королями. Замѣчательно, что у государства не хватаетъ смѣлости подчинить этихъ хозяйственныхъ королей даже самымъ незначительнымъ ограниченіямъ той категоріи, которымъ подвергались почти повсюду со времени первой французской революціи политическіе суверены. Можно ли при такихъ условіяхъ удивляться, что предприниматели, изъ которыхъ каждый стремится достичь высшей ступени лѣстницы, ведущей къ богатству и силѣ, обнаруживаютъ ужасающее, переходящее всякія границы корыстолюбіе.

Ожесточенная борьба за нетрудовой доходъ служитъ важнѣйшимъ двигателемъ всѣхъ хозяйственныхъ начинаній отдѣльныхъ лицъ, цѣлыхъ странъ, частей міра; при этомъ чѣмъ выше положеніе даннаго хозяйствующаго субъекта въ плутократической іерархіи, тѣмъ легче онъ можетъ нарушать велѣнія традиціонной морали при отстаиваніи и увеличеніи своего нетрудового дохода.

Наибольшею свободою пользуется въ означенномъ направленіи само государство. Почти всякое государство, подвергшееся тяжкой катастрофѣ или изнурительному кризису, прибѣгаетъ, въ ущербъ своимъ кредиторамъ и подданнымъ, къ такимъ дѣйствіямъ, которыя оно же само въ своихъ судахъ строго караетъ, когда они совершаются другими. Такъ, въ третьемъ вѣкѣ нашей эры римскіе императоры самымъ беззастѣнчивымъ образомъ фальсифицировали монету, чѣмъ, между прочимъ, весьма содѣйствовали паденію античнаго государ-

ства; но и въ средніе вѣка и въ новое время фальсификація монеты оставалась средствомъ, къ которому охотно прибѣгали правительства для увеличенія своихъ денежныхъ рессурсовъ. Въ послѣдніе два вѣка ея мѣсто заняло государственное банкротство—либо въ формѣ выпуска огромныхъ массъ неразмѣнныхъ бумажныхъ денегъ, либо въ формѣ урѣзыванія подъ разными предлогами самой суммы государственныхъ долговъ или размѣра процентовъ по нимъ. Вообще огромная и неуклонно растущая задолженность современныхъ государствъ поставила послѣднія въ положеніе биржевиковъ съ пассивнымъ балансомъ, вынужденныхъ поддерживать свой кредитъ всѣми дозволенными и недозволенными средствами.

Высшія ступени денежной іерархіи пользуются подобною же, хотя и нѣсколько болѣе ограниченною свободою. Тутъ дѣло сводится главнымъ образомъ къ эксплоатаціи законодательства, приспособляемаго къ цѣлямъ охраны и увеличенія нетрудового дохода привилегированныхъ элементовъ населенія. Средневѣковой феодализмъ и цеховое устройство всегда преслѣдовали, рядомъ съ политическими и военными цѣлями, также и экономическую цѣль—выжать изъ подавленныхъ классовъ возможно высокій нетрудовой доходъ для дворянства и членовъ цеха. Въ настоящее время та же цѣль достигается аграрными и промышленными пошлинами, экспортными преміями и льготами въ сферѣ податной обязанности, при чемъ въ противоположность средневѣковому порядку привилегированные освобождаются отъ тягостнаго для нихъ непосредственнаго соприкосновенія съ эксплоатируемыми.

Независимо отъ сего хозяйственная дѣятельность высшихъ слоевъ общества свободна отъ многихъ ограниченій, которыми право и нравственность связываютъ дѣятельность низшихъ классовъ населенія. Крупные землевладѣльцы, финансовые тузы, богатые промышленники и торговцы почти не испытываютъ на себѣ гнета моральной и уголовно-правовой квалификаціи со стороны своихъ согражданъ. Могущественные круги эти, вліяніе которыхъ распространяется рѣшительно на всѣ слои общества, властно направляютъ общественное мнѣніе о себѣ, а къ уголовному праву относятся съ нескрываемымъ пренебреженіемъ, ибо основныя опредѣленія этого права, по большей части возникшія въ прежнее время, при несравненно болѣе элементарныхъ условіяхъ, совершенно непригодны для

уловленія мазуриковъ высшаго порядка, выдвигаемыхъ указанными кругами. И всякій разъ, когда уголовное правосудіе простираетъ свою десницу, чтобы покарать этихъ престидижитаторовъ мошенничества, тонкость и сложность объективнаго состава преступленій, ловкость преступниковъ и усердіе защиты со всею ясностью обнаруживаютъ, до какой степени эти престидижитаторы мошенничества правы въ своемъ презрѣніи къ современнымъ карательнымъ системамъ. А между тѣмъ именно противъ высшихъ слоевъ общества, гдѣ главнымъ образомъ и разыгрывается борьба за нетрудовой доходъ, энергичная, не только моральная, но и уголовно-правовая репрессія была бы особенно необходима.

Такимъ образомъ, и здѣсь мы видимъ, что высшіе слои общества могутъ почти неограниченно удовлетворять свое корыстолюбіе и что лишь слабыхъ соціальныя соотношенія силъ осуждаютъ на экономическое самоограниченіе или, если угодно, на безкорыстіе.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

ЦѢЛОМУДРІЕ.

Буддизмъ и католицизмъ должны ставить цѣломудріе въ первомъ ряду добродѣтелей, такъ какъ руководители ихъ церковныхъ общеній, священники и монахи, пребываютъ или по крайней мѣрѣ обязаны пребывать въ безбрачіи. Протестантизмъ, основателю котораго Лютеру монашескій обѣтъ не помѣшалъ вступить въ бракъ съ Екатериною ф. Бора (Käte) и прижить съ ней многочисленное потомство,—не можетъ признавать цѣломудріе, какъ таковое, добродѣтелью; тѣмъ не менѣе онъ требуетъ, чтобы половая жизнь реализовалась въ упорядоченныхъ формахъ единобрачія. Наконецъ, послѣдователи ислама, который является преимущественно религіей мужчинъ и пророкъ котораго Магометъ велъ весьма легкомысленную въ половомъ отношеніи жизнь, едва въ состояніи понять, какъ можно относить цѣломудріе къ числу добродѣтелей.

Несмотря на это различіе религіозныхъ системъ морали, половая нравственность въ существѣ обусловлена соціальными

соотношеніями силъ. Весьма легко, поэтому, можетъ случиться, что въ католической странѣ, духовенство которой усердно славословитъ цѣломудріе, половая нравственность окажется ниже, чѣмъ въ странѣ ислама, который даже въ раю обѣщаетъ правовѣрнымъ усладу обольстительныхъ женщинъ (гурій).

Сравнительно незначительное вліяніе оказываютъ соціальныя соотношенія силъ на такъ называемую романтическую любовь, неизвѣстную грекамъ и римлянамъ, а также современнымъ восточнымъ народамъ, но со времени среднихъ вѣковъ пріобрѣвшую права гражданства у христіанскихъ народовъ. Существо ея состоитъ въ томъ, что въ отношеніяхъ между мужчиною и женщиною естественная цѣль любви — половое наслажденіе — отступаетъ на задній планъ передъ идеальной взаимо-симпатіей. Стихотворное искусство поэтизировало эту романтическую любовь въ безчисленныхъ любовныхъ виршахъ тѣмъ же пошлымъ способомъ, какимъ оно поэтизировало въ застольныхъ пѣсняхъ и такое прозаически вредное времяпрепровожденіе, какъ полоскаціе утробы виномъ и пивомъ. Въ романтической любви мы имѣемъ, такимъ образомъ, дѣло съ капризнымъ чувствомъ, питающимся внушеніемъ, а потому реальные факторы силы оказываютъ здѣсь лишь ограниченное вліяніе.

Но рядомъ съ романтической любовью течетъ широкій порокъ обыденной половой безнравственности, всецѣло находящейся во власти соціальныхъ соотношеній силъ. Можно утверждать, что всякое соціальное отношеніе силъ—основано ли оно на богатствѣ или же на политическомъ, религіозномъ или соціальномъ вліяніи—вызываетъ по общему правилу соотвѣтственное количество половой безнравственности. Такъ, у римлянъ признавалось, что собственникъ можетъ пользоваться принадлежащими ему рабынями для удовлетворенія своей похоти; только въ томъ случаѣ, когда онъ принуждалъ мужчину-раба къ противоестественному непотребству, это обращало на себя нѣкоторое вниманіе, не вызывая, однако, энергичныхъ мѣръ противодѣйствія [1]). Ту же картину рисуютъ и средневѣковыя условія рабства и крѣпостного права, при чемъ, однако, въ отдѣльныхъ случаяхъ эти условія сконденсировались въ отвратительный институтъ первой ночи (jus primae noctis). Но и вліяніе современныхъ предпринимателей

[1]) Ср., напр., *Suetonius*, Vitellius, c. 12.

и работодателей, хотя въ общемъ и неизмѣримо меньшее, чѣмъ прежде, еще достаточно значительно для того, чтобы вести по временамъ къ такимъ же злоупотребленіямъ. Вообще же, всякій богатый человѣкъ, если только онъ по доброй волѣ не сосредоточилъ своихъ вожделѣній неромантическаго свойства на опредѣленной женщинѣ, и теперь еще можетъ купить себѣ ровно столько полового удовольствія, сколько ему заблагоразсудится.

Всѣ эти факты ускользаютъ отъ точнаго наблюденія и не могутъ быть также установлены статистически. Но что богатые и знатные и теперь еще не отказались отъ того, чтобы до и во время законнаго брака поддерживать въ самыхъ широкихъ размѣрахъ половыя отношенія къ женщинамъ менѣе состоятельныхъ классовъ,—ясно доказывается, если это еще требуетъ доказательствъ, всей эволюціей гражданскаго и уголовнаго законодательства. Конечно, въ наше время рабство, крѣпостное право и подобныя имъ отношенія господства, неизбѣжно порождавшія въ прежніе вѣка половую безнравственность, какъ массовое явленіе, болѣе не существуютъ, но за то современное законодательство не знаетъ и ограниченій, боровшихся прежде съ распространеніемъ этого зла. При обсужденіи новаго германскаго гражданскаго уложенія я тщетно домогался, чтобы часть этихъ ограниченій была возстановлена и чтобы такимъ образомъ было дано доказательство, что законодатель защищаетъ не только имущественные интересы богатыхъ противъ нарушенія ихъ бѣдными, но и половые интересы этихъ послѣднихъ противъ вторженія первыхъ. Мнѣ на мои указанія не возразили, и тѣмъ не менѣе предложенныя мною поправки (поскольку онѣ касались половыхъ отношеній) не были введены въ кодексъ [1]).

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

ВЫСОКОМѢРІЕ.

Опирающаяся на владѣніе, вліяніе и образованіе іерархія силъ нашего общества отражается въ психикѣ его членовъ и вызываетъ въ нихъ сознаніе своего соціаль-

[1]) Ср. *Menger*, Das bürgerliche Recht und die besitzlosen Volksklassen, 3 Aufl. 1904. Nr. 17—27; Neue Staatslehre. 2 Aufl. 1904, Nr. 14.

наго положенія. Это сознаніе можно было бы назвать ранговымъ чувствомъ или сознаніемъ (Ranggefühl oder Rangbewusstsein). Въ какой мѣрѣ это ранговое чувство склонно къ эксцессамъ и извращеніямъ, видно изъ того обстоятельства, что нѣмецкій языкъ выработалъ особыя названія только для высокомѣрія (Hochmut) и смиренія (Demut), т.-е. для соотвѣтствующихъ ранговому чувству пороковъ.

Если ранговое чувство превосходитъ дѣйствительное соціальное положеніе лица, то мы говоримъ въ такихъ случаяхъ о „высокомѣріи". Послѣднее надо отличать отъ весьма распространенной соціальной болѣзни нашего времени, карьеризма, которая состоитъ въ стремленіи достигнуть, при помощи недобросовѣстныхъ средствъ, высшаго положенія въ іерархіи силъ. Если ранговое чувство падаетъ ниже уровня соціальнаго положенія, то мы имѣемъ дѣло съ смиреніемъ. Если послѣднее направлено на достиженіе внѣшнихъ благъ, въ частности на пріобрѣтеніе благосклонности могущественныхъ лицъ, то оно превращается въ сервилизмъ или раболѣпство (лакейство).

Самымъ ужаснымъ извращеніемъ высокомѣрія является, какъ извѣстно, манія величія, знаменитые примѣры которой дала Юліево-Клавдіевская династія цезарей отъ Тиберія до Нерона. Какъ показываетъ опытъ, высокомѣріе проявляется наиболѣе интенсивно у выскочекъ, соединяющихъ энергичное стремленіе впередъ, свойственное низшимъ классамъ, съ гордостью высшимъ, а Юліево-Клавдіевская династія была фактически династіей выскочекъ, правовое основаніе которой оставалось спорнымъ вплоть до самаго ея паденія. Къ этому присоединялось еще, что власть римскихъ императоровъ, неограниченная внутри государства, не имѣла соперниковъ и внѣ его. Въ современныхъ деспотіяхъ, напримѣръ въ Турціи, такое обостреніе сознанія собственнаго достоинства не такъ легко могло бы создаться, такъ какъ никогда нѣтъ недостатка въ иностранныхъ соперникахъ равной или еще высшей силы. Отдѣльныя черты маніи величія, этого высокомѣрія безотвѣтственности, легко, впрочемъ, распознаются у большинства достигшихъ богатства и славы лицъ.

Само собою разумѣется, что описанной безграничности въ высшихъ и среднихъ слояхъ общества высокомѣріе достигнуть не можетъ. Но здѣсь съ преувеличеннымъ ранговымъ чув-

ствомъ весьма нерѣдко соединяется стремленіе ввести другихъ людей въ заблужденіе относительно своего положенія въ іерархіи силъ; большинство людей хочетъ казаться болѣе богатыми, могущественными, образованными и знаменитыми, чѣмъ какими они на самомъ дѣлѣ являются. Значительная часть несчастій и разореній въ высшихъ и среднихъ слояхъ общества обусловливается этимъ стремленіемъ достигнуть болѣе высокихъ ступеней въ іерархіи силъ.

Еще болѣе вредное вліяніе на важнѣйшіе интересы общества оказываетъ карьеризмъ. Въ соціалистической литературѣ уже много разъ изображалась и клеймилась ожесточенная, не останавливающаяся ни передъ какими средствами конкурренціонная борьба за хозяйственныя блага. Но подобная же борьба наблюдается въ обществѣ и въ отношеніи всѣхъ другихъ, болѣе или менѣе заслуживающихъ вниманія благъ, вліятельныхъ и доходныхъ должностей, выгодныхъ браковъ, славы и внѣшнихъ почестей. Даже смиреніе и самоотреченіе средневѣковыхъ святыхъ въ извѣстной степени могутъ быть сведены къ простому карьеризму, такъ какъ выдающееся благочестіе доставляло тогда высокое положеніе въ обществѣ и въ представленіи народа святые люди стояли даже выше папъ и епископовъ.

Подобно тому, какъ богатство немногихъ предполагаетъ бѣдность многихъ, такъ и высокомѣріе высшихъ классовъ не могло бы существовать безъ соотвѣтственнаго смиренія низшихъ. Такъ какъ іерархія силъ имѣетъ за собою многовѣковую традицію и дѣйствуетъ поэтому на умъ и воображеніе широкихъ массъ съ силою естественнаго фактора, то въ этихъ массахъ никогда не было недостатка въ смиреніи и приниженности въ отношеніи привилегированныхъ сословій. Если же эти чувства въ настоящее время все болѣе исчезаютъ, то это вѣрный признакъ того, что и іерархія силъ уже поколеблена.

Изъ изложеннаго вытекаетъ, что высокомѣріе, какъ массовое явленіе, обусловлено, какъ и всѣ другіе пороки, соотношеніями соціальныхъ силъ. Чѣмъ болѣе высшія и низшія ступени соціальнаго порядка, вслѣдствіе сосредоточенія силы и богатства, отдаляются другъ отъ друга, чѣмъ болѣе углубляется искусственная между ними пропасть, тѣмъ болѣе должно рости и высокомѣріе со всѣми сопутствующими ему

явленіями. Нелѣпо при такихъ условіяхъ проповѣдывать высшимъ классамъ скромность или того больше смиреніе, — нелѣпо потому, что весь соціальный строй толкаетъ высшіе классы въ сторону противоположную. Только тогда, когда удастся пропитать демократическимъ духомъ не только государство, но и народное хозяйство, науку, искусство, —словомъ, всю соціальную жизнь, —только тогда высокомѣріе, какъ массовое явленіе, значительно поослабѣетъ. Но и теперь уже оно менѣе процвѣтаетъ въ демократическихъ республикахъ, чѣмъ въ аристократическихъ военныхъ государствахъ.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

Объ улучшеніи нравственнаго строя.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ВСТУПИТЕЛЬНЫЯ ЗАМѢЧАНІЯ.

Нерадостна та картина моральнаго состоянія человѣчества вообще и культурнаго Запада въ частности, которую я набросалъ на предшествующихъ страницахъ. Мы видѣли, что сила и нравственность—будь то коллективная или индивидуальная нравственность, безразлично—по общему правилу совпадаютъ. Правда, во всѣ времена находились избранники, пытавшіеся устоять противъ напора силы, чтобы осуществить во всей чистотѣ требованія нравственнаго закона. Но человѣческое поведеніе, какъ массовое явленіе,—а только съ таковымъ и имѣетъ дѣло наука о нравственности—повсюду опредѣляется соціальными соотношеніями силъ. Поэтому, чтобы улучшить моральное состояніе человѣчества, прежде всего необходимо подумать о томъ, какъ должны быть преобразованы соціальные факторы силы, опредѣляющіе собою состояніе нравственности.

Но раньше, чѣмъ мы обратимся къ рѣшенію этой задачи, не безполезно остановиться на попыткахъ реформировать нравственность, относящихся къ прежнему времени. Нравственность, въ противоположность праву и государству, не ограничена въ пространствѣ и во времени; всякая попытка ея улучшенія служитъ въ пользу, по крайней мѣрѣ идеально, всего человѣчества. Трудно поэтому представить себѣ болѣе высокую цѣль для человѣка, чѣмъ улучшеніе нравственности, и въ самомъ дѣлѣ, что значатъ короли, государственные люди, полководцы, словомъ всѣ тѣ дѣятели, которыхъ выдвигаетъ въ первые ряды суета жизни, по сравненію съ тѣмъ

мѣстомъ въ исторіи человѣчества, какое занимаютъ Будда, Христосъ, Магометъ и Конфуцій, несмотря на всю ограниченность ихъ вліянія.

Существуютъ два основныхъ средства для реформированія нравственности: проповѣдь высшей морали и преобразованіе соціальныхъ соотношеній силъ. Всякая религіозная или философская система морали должна имѣть въ виду то или другое изъ этихъ средствъ. Я намѣренъ разсмотрѣть въ этомъ отношеніи три міровыя религіи, обнимающія вмѣстѣ взятыя большую часть человѣчества.

Исламъ, самая молодая изъ міровыхъ религій, стремится достигнуть своихъ цѣлей главнымъ образомъ при помощи силы. Уже самъ Магометъ былъ преимущественно государственнымъ дѣятелемъ и полководцемъ и мало пользовался проповѣдью. Преемники же его держали въ одной рукѣ коранъ, а въ другой мечъ. Послѣдній предназначался, впрочемъ, только для того, чтобы поставить исламъ на мѣсто прежнихъ религій, но отнюдь не для того, чтобы улучшать моральное состояніе покоренныхъ народовъ путемъ преобразованія соціальныхъ соотношеній силъ.

Христосъ и его ближайшіе преемники пользовались для распространенія своего ученія только проповѣдью, не прибѣгая къ политической или военной силѣ. До Константина I (306—337 г. по Р. Х.), впервые предоставившаго въ распоряженіе христіанства колоссальную мощь римскаго государства, новая церковь привлекла въ число своихъ послѣдователей, путемъ проповѣди и поученія, около десяти процентовъ населенія римской имперіи. Но съ этого времени насильственное обращеніе составляетъ уже правило. Обобщеніе его шло такъ быстро, что уже въ слѣдующемъ столѣтіи до девятидесяти процентовъ всего населенія было пріобщено къ христіанской церкви при помощи принудительныхъ средствъ новоявленнаго христіанскаго государства и только десять при помощи проповѣди. Точно также и впослѣдствіи, когда христіанство проникло на европейскій сѣверъ и затѣмъ, въ XV и XVI вѣкѣ, въ Америку, оно распространялось преимущественно при помощи войны и государственнаго насилія всякаго рода. Но и эти насильственныя мѣры должны были служить, какъ и въ исторіи ислама, не къ достиженію моральной цѣли, а къ расширенію власти церкви и государствъ, покорившихся въ лонѣ ея.

Наконецъ, буддизмъ, старѣйшая изъ міровыхъ религій, всегда — со времени своего возникновенія и по настоящій день — соблюдалъ принципъ исключительно свободнаго обращенія. Онъ не называлъ себя, какъ христіанство, безчисленное множество разъ религіей любви, но всегда дѣйствовалъ именно, какъ таковая. Съ справедливой гордостью указываютъ буддисты на то, что для распространенія ихъ религіи никогда не велась война и никогда не совершались другія жестокости [1]). Но отказываясь отъ всякаго примѣненія силы, буддизмъ естественно могъ стремиться къ усовершенствованію нравственности только путемъ проповѣди, а не посредствомъ преобразованія соціальныхъ соотношеній силъ.

Христіанство и исламъ совершили, такимъ образомъ, для своего распространенія безчисленныя насилія, но оставили неприкосновенными соціальныя соотношенія силъ и связанныя съ ними моральныя условія. Они сохранили политическую іерархію власти, собственность, классовыя различія и всѣ остальныя соціальныя соотношенія силъ и въ то же время удивлялись, что все это вѣнчалось ложью, корыстолюбіемъ, высокомѣріемъ и непотребствомъ. Правда, они не упускали случая направлять свою проповѣдь противъ этихъ пороковъ и рекомендовать взамѣнъ ихъ соотвѣтственныя добродѣтели, — но съ тѣмъ же успѣхомъ, какъ если бы мы вознамѣрились убѣдить огнедышащую гору не причинять столько зла и несчастья. Причины этой противорѣчивой моральной политики я постараюсь выяснить на нѣсколькихъ разительныхъ примѣрахъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

ХРИСТІАНСКАЯ ЭТИКА.

Положеніе основателя религіи всегда сопряжено со многими затрудненіями и опасностями. Онъ намѣревается создать новую религію и неизбѣжно впадаетъ поэтому въ коллизію съ духовенствомъ прежняго культа. Но въ то же время онъ долженъ стремиться и къ улучшенію нравствен-

---

[1]) *Olcott*, Buddhistischer Katechismus. Deutsche Uebersetzung v. Bischoff, 2 Aufl. 1902, S. 84.

наго строя, такъ какъ простое преобразованіе догматовъ и формъ культа по общему правилу не можетъ составить достаточно сильнаго стимула къ принятію новой вѣры. Относясь къ этой своей задачѣ серьезно, онъ долженъ вызвать или стремиться вызвать измѣненіе самой іерархіи силъ; вслѣдствіе же этого онъ неизбѣжно окажется въ самомъ рѣзкомъ противорѣчіи съ органами государства, охранителями и покровителями соціальныхъ соотношеній силъ. Эти опасности такъ велики и такъ очевидны, что попытки основанія религіи сравнительно немногочисленны, несмотря на то, что въ случаѣ успѣха ихъ первоучителямъ предстоитъ возведеніе на степень бога или полубога.

Въ обоихъ направленіяхъ Христу пришлось имѣть дѣло съ самыми неблагопріятными условіями. Въ духовной сферѣ ему противостояло фанатическое, хорошо организованное жречество, а въ свѣтской онъ долженъ былъ считаться—по крайней мѣрѣ въ окончательномъ счетѣ—съ огромной силой римскаго государства. Напротивъ того, Будда, самъ сынъ царя, столкнулся съ разрозненнымъ и безсильнымъ жречествомъ, Магометъ же имѣлъ счастье, уже вскорѣ послѣ провозглашенія себя пророкомъ, захватить политическую власть; оба умерли поэтому въ глубокой старости, окруженные всеобщимъ почетомъ, а Христосъ покончилъ жизнь молодымъ на крестѣ.

Христосъ отнюдь не упускалъ изъ виду грозившихъ ему опасностей и стремился противопоставить имъ соотвѣтственный образъ дѣйствій. Чтобы стать въ наиболѣе благопріятное отношеніе къ еврейскому благочестію, онъ настойчиво заявлялъ, что посланъ не для того, чтобы нарушить, а для того, чтобы исполнить законъ Моисея, и даже дошелъ въ этомъ отношеніи до крайняго, опровергаемаго всѣмъ развитіемъ христіанства, утвержденія, что скорѣе погибнетъ небо и земля, чѣмъ „одна черта изъ закона“ [1]). Еврейскіе іерархи, впрочемъ, никогда не обманывались на счетъ конечныхъ цѣлей Христа. Но Христосъ соблюдалъ также—и только этотъ одинъ пунктъ насъ интересуетъ здѣсь—величайшую осторожность и умѣренность въ отношеніи соціальныхъ силъ своего времени. Онъ далъ общія предписанія о любви къ ближнему (II, 4), которыя, въ виду ихъ чрезмѣрной требовательности,

---

[1]) Мато. 5, 17; Луки 16, 17.

во-первыхъ, съ основанія христіанства никогда и нигдѣ не исполнялись и лишь въ извѣстной степени служили руководствомъ для нѣкоторыхъ святыхъ, и во-вторыхъ, даже въ самыхъ тиранническихъ правительствахъ не вызывали къ себѣ никакого подозрѣнія, какъ непрактичныя и неопасныя. Но онъ не подвергъ даже умѣренной критикѣ господствующихъ факторовъ силы, въ частности порядка собственности, хотя противорѣчіе между этими факторами и началомъ самоотверженной любви къ ближнему, безъ сомнѣнія, не оставалось для него скрытымъ. Мало того, предписывая воздать кесарю кесарево, а Божіе Богу (Мато. 22, 21), Христосъ прямо санкціонировалъ господство римлянъ надъ Іудеей, т.-е. важнѣйшее изъ политическихъ соотношеній силъ своего времени, и это, несмотря на то, что грубое и опустошительное хозяйничанье римлянъ въ провинціяхъ несомнѣнно находилось въ самомъ рѣзкомъ, какое только мыслимо, противорѣчіи съ заповѣдью любви къ ближнему, противорѣчіи, которое, спустя всего нѣсколько десятилѣтій послѣ смерти Христа, вызвало со стороны еврейскаго народа одно изъ ожесточеннѣйшихъ возстаній всѣхъ временъ.

Несогласованности въ ученіи Христа, безъ сомнѣнія, обусловлены главнымъ образомъ соціальными соотношеніями силъ его времени, но отчасти онѣ объясняются и его молодостью, ибо молодость болѣе, чѣмъ осторожная старость, склонна доводить свои моральныя убѣжденія до ихъ крайнихъ выводовъ. По преданію церкви, Христосъ проповѣдывалъ свое ученіе въ возрастѣ отъ тридцати до тридцати трехъ лѣтъ; возможно, однако, что онъ выступилъ съ своею проповѣдью еще раньше, такъ какъ на нѣкоторыхъ древнѣйшихъ картинахъ его изображаютъ безбородымъ. Будда же умеръ на восьмидесятомъ, а Магометъ на шестьдесятъ первомъ году; оба могли, такимъ образомъ, завѣщать человѣчеству свое моральное наслѣдіе въ томъ законченномъ видѣ, какой они вообще способны были дать своему ученію въ зависимости отъ личныхъ своихъ свойствъ и историческихъ условій эпохи.

Мы видѣли, что нравы людей находятся подъ господствомъ дѣйствующихъ соціальныхъ соотношеній силъ; нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что тому же господству подчинено и ученіе о нравственности. И въ дѣйствительности вліяніе соціальныхъ соотношеній силъ ясно сказывается на

большинствѣ моралистовъ; они возвышены и смѣлы въ общихъ формулахъ, но боязливы и сдержаны въ практически единственно важныхъ спеціальныхъ предписаніяхъ. Изъ многочисленныхъ извѣстныхъ мнѣ примѣровъ я остановлюсь только на ученіи о нравственности Канта, тѣмъ болѣе, что оно, какъ полагаютъ многіе, имѣло въ Германіи не только теоретическое, но и практическое вліяніе.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

ЭТИКА КАНТА.

Кантъ принадлежитъ къ числу авторовъ, у которыхъ отмѣченная мною выше противоположность между высшими принципами этики и практической жизненностью ихъ въ деталяхъ обнаруживается съ особою отчетливостью. Кантъ былъ безусловнымъ сторонникомъ радикальныхъ теорій Руссо и другихъ предшественниковъ французской революціи, но въ то же время ему приходилось жить и дѣйствовать въ абсолютистской и аристократической Пруссіи Фридриха II и Фридриха Вильгельма II. Это противорѣчіе онъ старался разрѣшить при помощи того испытаннаго средства, что изобрѣталъ чрезвычайно возвышенные и гуманные общіе принципы морали, детальныя же опредѣленія права и нравственности приспособлялъ къ соціальнымъ соотношеніямъ силъ своей родины.

Въ качествѣ высшихъ принциповъ нравственности Кантъ выставилъ, какъ извѣстно, слѣдующія три положенія: 1) поступай такъ, чтобы ты могъ желать, чтобы твоя максима сдѣлалась общимъ закономъ; 2) поступай только согласно той максимѣ, которая даетъ тебѣ возможность желать, чтобы она сдѣлалась общимъ закономъ; 3) поступай такъ, чтобы человѣчество, какъ въ твоемъ собственномъ лицѣ, такъ и въ лицѣ всякаго другого человѣка, всегда служило тебѣ цѣлью, но отнюдь не простымъ средствомъ [1]).

Совмѣстной жизни людей едва ли можетъ быть поставлена болѣе высокая цѣль, чѣмъ та, которая указана въ этихъ

---

[1] Ср. *Kant*, Metaphysische Grundlegung der Sitten, 1785, стр. 20, 44, 53, изд. Кирхмана 1870 г. и Kritik der praktischen Vernunft, 1788, § 7.

трехъ положеніяхъ, особенно въ третьемъ, ибо только въ анархическомъ государствѣ, гдѣ всѣ отношенія покоятся на основѣ свободнаго соглашенія между принадлежащими къ союзу сочленами, представлялось бы фактически достижимымъ, чтобы ни одинъ человѣкъ не служилъ средствомъ для цѣлей другихъ людей. Это вполнѣ ясно, такъ какъ всякое принудительное государство, съ аристократическимъ военнымъ во главѣ, должно жертвовать интересами и даже жизнью болѣе или менѣе значительныхъ круговъ населенія для достиженія покровительствуемыхъ имъ цѣлей. Точно также и проектированное мною демократическое трудовое государство, не служа никакому классовому интересу, вынуждено будетъ, однако, употреблять нѣкоторую часть своихъ гражданъ для работъ, вызывающихъ отвращеніе, вредныхъ для здоровья и прямо опасныхъ для жизни [1]).

Посмотримъ теперь, какъ Кантъ думаетъ реализовать этотъ высокій соціальный идеалъ въ своемъ раціоналистическомъ государствѣ,—мы имѣемъ въ виду его появившееся въ 1797 г. „Ученіе о правѣ", на которомъ глубочайшимъ образомъ отразилось вліяніе событій французской революціи и вызванныхъ ею политическихъ теченій въ Пруссіи. По мнѣнію Канта „властитель имѣетъ въ государствѣ только права и никакихъ (принудительныхъ) обязанностей". „Народъ обязанъ выносить даже представляющіяся невыносимыми злоупотребленія высшей власти". Мало того—Кантъ отрицаетъ за подданнымъ, „въ виду обязанности его повиноваться высшей власти, сомнительное право мудрствовать о происхожденіи этой власти" [2]).

Едва ли можно, оставаясь безпристрастнымъ, оспаривать, что государство, въ которомъ бы эти, напоминающія о Калигулѣ и Неронѣ, положенія практически осуществлялись или только признавались постулатами чистаго разума, было бы явной деспотіей. Но въ деспотически управляемомъ обществѣ не только высшій носитель власти эксплоатируетъ подданныхъ для удовлетворенія своихъ капризовъ и прихотей, но то же право присваиваютъ себѣ чиновники, солдаты и другіе привилегированные элементы населенія.

---

1) *Menger*. Neue Staatslehre, 1903, I, 11; II, 7.
2) *Kant*, Rechtslehre, 1797, § 49. Ср. также выше II, 5.

Въ своемъ усердіи приспособить постулаты чистаго разума къ правительственнымъ принципамъ Фридриха Вильгельма II Кантъ совершенно упускаетъ изъ виду, что онъ пишетъ метафизику нравовъ и прибѣгаетъ къ аргументамъ, которые никоимъ способомъ не могли бы быть найдены a priori. Такъ, напримѣръ, когда онъ указываетъ, что народные представители въ парламентѣ болѣе озабочены обезпеченіемъ себя и своихъ близкихъ государственными должностями, чѣмъ исполненіемъ своихъ обязанностей въ отношеніи народа [1]). Этотъ упрекъ парламентарной системѣ Кантъ, безъ сомнѣнія, заимствовалъ не изъ чистаго разума, а изъ консервативныхъ листковъ, которые, какъ извѣстно, обнаруживаютъ необыкновенную зоркость, когда дѣло касается дефектовъ парламента, и совершенно слѣпы въ отношеніи злоупотребленій носителей власти.

Изъ сказаннаго видно, какою незначительною цѣнностью обладаютъ формулировки великихъ принциповъ нравственности. Кто ставитъ другимъ сверхчеловѣческія требованія, тотъ легко возбуждаетъ подозрѣніе въ неискренности. Нельзя сказать вмѣстѣ съ Аристотелемъ, что добродѣтель есть середина между двумя противоположными моральными крайностями, но безъ сомнѣнія учитель нравственности долженъ конструировать добродѣтель такъ, чтобы она была достижима и для человѣка среднихъ способностей, и поэтому въ окончательномъ результатѣ міръ завоюютъ не тѣ системы морали, которыя разсчитаны на героевъ и святыхъ, а тѣ, которыя имѣютъ въ виду среднихъ людей, массу съ ея обычнымъ моральнымъ уровнемъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

ПОТУСТОРОННІЙ МІРЪ.

Главное различіе между моральными системами современныхъ философовъ и міровыми религіями (буддизмъ, христіанство, исламъ) заключается въ ихъ представленіяхъ о будущей жизни. Философія нашего времени, въ основѣ своей покоящаяся на опытѣ, не знаетъ собственно потустороннаго

---

[1]) *Kant*, Rechtslehre, § 49.

міра; даже Кантъ, философія котораго является въ существѣ религіей разума, ограничивается утвержденіемъ, что душа безсмертна, не изображая въ деталяхъ ея состоянія послѣ смерти; міровыя религіи, напротивъ того, даютъ болѣе или менѣе точныя указанія относительно жизни въ будущемъ мірѣ и приводятъ послѣднюю въ тѣсную связь съ поведеніемъ людей за время ихъ земного существованія. Объясняется это тѣмъ, что, въ противоположность народнымъ религіямъ, міровыя имѣютъ умозрительный характеръ. Онѣ создавались основателями и ихъ ближайшими послѣдователями вполнѣ сознательно, а затѣмъ естественно утилизировались и для споспѣшествованія моральнымъ цѣлямъ.

Вѣра въ загробный міръ съ его уравнительной справедливостью всегда высоко цѣнилась носителями власти. И на самомъ дѣлѣ, чѣмъ болѣе обостряются противоположности въ соціальной іерархіи силъ, чѣмъ значительнѣе становится число слабыхъ и эксплоатируемыхъ, тѣмъ правовой и моральный порядокъ повидимому болѣе нуждается въ дополненіи этою вѣрою.

Это широко распространенное воззрѣніе основано однако на заблужденіи. Надежда на загробную жизнь теряется въ такой неопредѣленной дали, что не можетъ оказывать значительнаго вліянія на поведеніе людей. Подтверждается это тѣмъ фактомъ, что міровыя религіи обѣщаютъ добродѣтельному человѣку прямо противоположныя награды за его добродѣтель. Такъ, по ученію ислама и христіанства праведника ждетъ послѣ смерти вѣчное блаженство—въ обильно снабженномъ пищей, напитками и гуріями раѣ-гаремѣ въ одномъ случаѣ и на нѣсколько однотонномъ небѣ въ другомъ. Буддизмъ, напротивъ того, обѣщаетъ добродѣтельному пилигриму къ концу его странствованій, послѣ безчисленныхъ возрожденій, нирвану, вѣчное уничтоженіе. Если бы надежда на вѣчную жизнь дѣйствительно была тѣмъ регуляторомъ человѣческаго поведенія, какимъ представляетъ ее себѣ эгоизмъ сильныхъ, то либо въ той, либо въ другой группѣ религій нравственность, вслѣдствіе разнорѣчивости перспективъ, была бы задавлена.

И такъ, говоря вообще, нравственность не находится въ зависимости отъ представленій о будущей жизни. Человѣческое поведеніе, какъ массовое явленіе, опредѣляется суще-

ствующими соціальными соотношеніями силъ, къ которымъ, впрочемъ, относится и вліяніе различныхъ религіозныхъ общеній; только ничтожное меньшинство святыхъ и благочестивыхъ сообразуетъ свое поведеніе съ видами на небесное вознагражденіе. До начала эпохи просвѣщенія, т.-е. приблизительно до конца XVII вѣка, мысль эта могла еще оспариваться, такъ какъ церковная религіозность была въ то время всеобщей. Въ настоящее же время для спора нѣтъ почвы, такъ какъ во всей Европѣ огромное число людей образованныхъ и соціалистически настроенныхъ рабочихъ отказались отъ всякой положительной религіи, не уступая, однако, въ моральномъ отношеніи вѣрующей массѣ.

Нѣтъ поэтому основанія думать, чтобы вслѣдствіе постепеннаго вымиранія религіозныхъ представленій и надеждъ на будущую жизнь нравственность, какъ массовое явленіе, должна была пострадать. Правда, церкви трехъ міровыхъ религій вплоть до настоящаго дня оказывали могущественное вліяніе на нравственность, и потому ликвидація ихъ вызвала бы весьма чувствительный пробѣлъ въ способахъ воздѣйствія на поведеніе людей, но церкви могутъ быть замѣнены другими факторами силы, независимыми отъ религіозной догмы. Когда же удастся преобразовать существующія соціальныя соотношенія силъ и въ особенности порядокъ собственности въ смыслѣ приспособленія ихъ къ требованіямъ болѣе высокой нравственности, то этимъ, быть можетъ, будетъ созданъ моральный строй, далеко превосходящій нашъ историческій опытъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

ЭТИКА НИТЦШЕ.

Такъ какъ нравственность зависитъ отъ господствующихъ соотношеній силъ, то она исторически условна и, какъ таковая, различается по времени и мѣсту, не будучи, однако, подобно праву продуктомъ опредѣленной государственной власти. Всякій моралистъ удѣляетъ поэтому вниманіе прежде всего моральному состоянію своего народа и своей эпохи. Такъ какъ однако соціальныя соотношенія силъ въ значительной степени однородны въ христіанскихъ странахъ

Европы и Америки, то въ общемъ всякая моральная система одинаково будетъ годиться для всѣхъ народовъ европейско-американской культуры; въ крайнемъ случаѣ можно еще остановиться на моральныхъ ученіяхъ умозрительныхъ религій, буддизма и ислама. Если же пойти еще дальше и вмѣстѣ съ Гербертомъ Спенсеромъ сдѣлать объектомъ изслѣдованія также и моральное состояніе первобытныхъ народовъ, то въ результатѣ получится своего рода моральная статистика, изъ которой едва ли удастся извлечь что-либо большее, чѣмъ то тривіальное положеніе, что почти всякое человѣческое дѣйствіе, вызывающее въ насъ теперь отвращеніе, гдѣ-либо и когда-либо признавалось нравственнымъ.

Наша современная іерархія силъ все еще имѣетъ по преимуществу аристократическій характеръ. Но членовъ нашего общества нельзя, какъ это нерѣдко дѣлаютъ, раздѣлять на властвующихъ и подвластныхъ, на господъ и рабовъ; скорѣе они образуютъ въ своей совокупности пирамиду, въ которой каждый является господствующимъ въ отношеніи низшихъ и подвластнымъ въ отношеніи высшихъ. Но со времени французской революціи эта аристократическая іерархія силъ и связанная съ нею этика все болѣе и болѣе расшатывается и замѣняется постепенно демократическими элементами; только порядокъ собственности остался до сихъ поръ почти непоколебленнымъ. Поэтому тотъ, кто слишкомъ сильно оттѣняетъ аристократическій характеръ нашей іерархіи силъ и нашей нравственности, впадаетъ въ противорѣчіе уже съ современностью, но еще болѣе съ будущимъ, съ явственными тенденціями развитія нашей соціальной и моральной жизни. Наиболѣе рѣшительнымъ представителемъ этого аристократическаго направленія является въ настоящее время Фридрихъ Нитцше.

Нитцше—философъ побѣдоноснаго прусскаго юнкерства, чрезмѣрно возвеличеннаго благодаря выпавшимъ на его долю военнымъ успѣхамъ 1866 и 1870 г. Основная мысль его философіи сводится къ тому, что слабые и эксплоатируемые должны не только терпѣть своихъ угнетателей, но и почитать и восхищаться ими, какъ высшими существами. Онъ различаетъ мораль господъ и мораль рабовъ. Знатные, господа, руководятся въ своихъ дѣйствіяхъ исключительно своими инстинктами и прихотями. Бѣдные же и угнетенные должны

слѣдовать велѣніямъ морали въ традиціонномъ значеніи этого слова, съ ея дѣленіемъ человѣческихъ дѣйствій на добрыя и злыя. Какія именно лица призваны пользоваться этой чрезвычайной привилегіей господской морали, онъ болѣе точно не указываетъ, считая повидимому, что всѣ богатые и сильные, независимо отъ ихъ дарованій и образа мыслей, принадлежатъ къ привилегированному классу. Какъ истинный лакей, онъ изображаетъ господъ идеальными сверхъ-людьми, а рабы, къ которымъ въ существѣ принадлежитъ и онъ самъ, представляются ему трусливыми, коварными и мстительными [1]).

Въ своемъ лакейскомъ усердіи Нитцше совершенно упускаетъ изъ виду, что откровенность его вредитъ интересамъ „господъ" не менѣе, чѣмъ въ свое время повредила монархамъ откровенность Маккіавелли. Ибо господа отнюдь не такъ мужественны и правдивы, какъ насъ хочетъ увѣрить Нитцше, —напротивъ того, они издавна мастерски умѣли держать своихъ рабовъ въ заблужденіи относительно предѣловъ и важности ихъ привилегій. Напомню только о томъ, что въ большинствѣ конституцій сильные обѣщали рабамъ равенство передъ закономъ, право всѣхъ на занятіе государственныхъ должностей, свободу науки и отмѣну налоговыхъ привилегій, но при этомъ умолчали, что соотвѣтственной практикой и менѣе обращающими на себя вниманіе спеціальными опредѣленіями эти прекрасные принципы будутъ замѣнены прямо противоположными началами. Можно было бы привести изъ области права и морали сотни примѣровъ этого рода. И этимъ то осторожнымъ и коварнымъ людямъ Нитцше публично бросаетъ въ лицо ихъ сокровеннѣйшую тайну, что они де не знаютъ другого закона кромѣ своей пользы и своей прихоти.

Точно также заблуждается Нитцше, усматривая въ возникновеніи и побѣдѣ христіанства борьбу между Римомъ и Іудеей, между знатными и низшими, между аристократической и демократической моралью [2]). На самомъ дѣлѣ христіанская церковь со времени ея побѣды при Константинѣ (306—337 г. по Р. Х.) всегда проводила политику „господъ" и хваталась за всѣ блага и цѣнности этого міра, при чемъ она, правда, сохранила, какъ демократическую декорацію, свое первона-

---

[1]) *Nietzsche*, Zur Genealogie der Moral (1887), I, 10.
[2]) *Nietzsche*, Zur Genealogie der Moral, I, 16.

чальное ученіе о смиреніи, самоотреченіи и удаленіи отъ міра. Папы и епископы, болѣе проницательные, чѣмъ аристократическій и сверхъ-человѣческій горе-философъ Базельскаго университета, знали очень хорошо, что откровенная господская мораль не можетъ выдержать натиска народныхъ массъ. И еще теперь римскій папа даетъ наглядный примѣръ сочетанія морали господъ и рабовъ, нося на головѣ тройную корону, и въ то же время называя себя рабомъ рабовъ Божіихъ (servus servorum Dei).

Такимъ образомъ мораль господъ, хотя и осуществлялась весьма часто на практикѣ, но никогда не возвѣщалась сильными откровенно и никогда не возводилась ими на степень составной части общей морали. Быть можетъ, единственнымъ примѣромъ точно формулированной „господской“ морали является рыцарская мораль (Bushido) прежней японской военной касты. Но мораль эта не имѣла рѣзко эгоистическаго характера въ смыслѣ Нитцше, такъ какъ въ существѣ своемъ она сводилась къ ученію о справедливости, самопожертвованіи и состраданіи къ слабымъ, почему и принята японцами какъ всенародная мораль.

Нѣтъ ничего удивительнаго, что даже самые рѣшительные приверженцы господской морали старательно избѣгаютъ того, чтобы міросозерцаніе ихъ сдѣлалось достояніемъ широкой гласности. Въ этомъ заключается явное признаніе той важной, развитой нами въ настоящей книгѣ истины, что сила вызываетъ порокъ, какъ массовое явленіе. Если поэтому мы хотимъ бороться съ нимъ серьезно, то мы должны лишить соціальныя явленія, которыя традиціонная этика называетъ порокомъ, ихъ почвы путемъ преобразованія господствующихъ соотношеній силъ. На этомъ вопросѣ мы и остановимся въ заключительныхъ главахъ книги.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

УЛУЧШЕНІЕ МОРАЛЬНЫХЪ УСЛОВІЙ ВООБЩЕ.

Становясь на выясненную нами точку зрѣнія, мы будемъ разсматривать моральную жизнь, поскольку она представляется явленіемъ массовымъ, какъ цѣпь причинъ и послѣдствій, въ которой соціальныя соотношенія силъ

являются причинами, а человѣческія дѣйствія — послѣдствіями. На людскіе добродѣтели и пороки мы будемъ смотрѣть, какъ на явленія природы — вполнѣ безстрастно. Тѣмъ же, кто съ точки зрѣнія традиціонной нравственности расточаютъ по поводу людскихъ добродѣтелей и пороковъ свои похвалы и осужденія, мы скажемъ: „лицемѣры или глупцы, вы заступаетесь за существующую іерархію силъ и затѣмъ удивляетесь, что она вызываетъ ложь, клятвопреступленіе и высокомѣріе. Вы защищаете нашъ порядокъ собственности и нетрудовой доходъ и въ то же время удивляетесь, что корыстолюбіе и непотребство отравляютъ жизнь общества. Все это такъ же мало заслуживаетъ удивленія, какъ то обстоятельство, что лѣтній зной вызываетъ грозу".

Правда, во всякое время имѣется на лицо нѣкоторое незначительное количество своего рода спеціалистовъ по части нравственности, которые слѣдуютъ ея велѣніямъ изъ религіозныхъ побужденій, чтобы обезпечить себѣ лучшее мѣсто въ будущей жизни, или же въ видахъ собственнаго моральнаго самоусовершенствованія. Эти моральные герои представляютъ, подобно выдающимся дѣятелямъ въ сферѣ искусства, науки и практической жизни, нѣкоторыя особенности и въ частности ту особенность, что дѣятельность ихъ опредѣляется господствующей моралью въ большей мѣрѣ, чѣмъ жизнь среднихъ людей. Но широкая масса всегда слѣдуетъ закону причинности, въ силу котораго данное соотношеніе силъ неизбѣжно вызываетъ опредѣленное число браковъ, дѣтей, преступленій и благородныхъ поступковъ.

Несмотря на эту несвободу человѣческихъ дѣйствій, намъ все-таки нельзя будетъ отказаться отъ стремленія улучшить практическую нравственность путемъ измѣненія соціальныхъ соотношеній силъ. Направленіе дастъ намъ нашъ идеалъ совершеннаго моральнаго порядка. Такъ, анархизмъ, стремящійся къ свободной любви, какъ къ самой совершенной формѣ половыхъ отношеній, безъ сомнѣнія не станетъ преобразовывать соціальные факторы съ тѣмъ, чтобы поощрять добродѣтель цѣломудрія. И точно также приверженецъ строго опытнаго міросозерцанія едва ли предприметъ что-либо въ интересахъ благочестія, хотя въ средніе вѣка оно признавалось важнѣйшей изъ всѣхъ добродѣтелей. Въ общемъ, впрочемъ, добродѣ-

тели, за насажденіе коихъ ратуютъ религіозныя и философскія системы морали, приводятъ къ желательнымъ соціальнымъ условіямъ; и мы должны споспѣшествовать этимъ послѣднимъ, фактически облегчая ихъ возникновеніе. Мы пойдемъ по этому пути съ осмотрительностью и настойчивостью, но безъ моральнаго восторга или возмущенія,—приблизительно такъ, какъ мы поступаемъ, когда устраиваемъ водопроводы и каналы, съ цѣлью понизить процентъ смертности среди населенія.

При этой реформѣ нравственности мы не должны задаваться слишкомъ высокими цѣлями. Только анархизмъ, упраздняющій безъ остатка всѣ государственные и правовые факторы силы, могъ бы, если бы онъ вообще былъ осуществимъ, ставить своей нравственности высшія задачи. Но уже соціализмъ, сохраняющій весь государственный аппаратъ, коллективную и отчасти частную собственность, долженъ по необходимости удовольствоваться болѣе скромной, средней моралью. О тѣхъ же, которые стоятъ за современную нашу соціальную іерархію силъ во всѣхъ ея существенныхъ чертахъ и говорить нечего; они должны отказаться отъ всякой сколько-нибудь дѣйствительной реформы нравственности, ибо, какъ мы видѣли выше, всякое соціальное соотношеніе силъ съ необходимостью естественнаго закона вызываетъ соотвѣтствующій порокъ.

Преобразованіе соціальныхъ соотношеній силъ, которое является необходимымъ предположеніемъ всякой истинной реформы нравственности, можетъ произойти двоякимъ путемъ. Во первыхъ такъ, что мы частью ослабляемъ, частью реорганизуемъ господствующіе соціальные факторы силы, этотъ источникъ всѣхъ нравственныхъ золъ. И во вторыхъ, путемъ созданія новыхъ факторовъ силы, которые не только не вредятъ практической нравственности, но еще подымаютъ ее на болѣе высокую ступень. Такъ какъ эти мѣры тѣснѣйшимъ образомъ связаны со всѣми деталями дѣйствующаго и будущаго правового и государственнаго порядка, то мы можемъ ихъ набросать здѣсь только въ самыхъ общихъ чертахъ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНІЕ.

Однимъ изъ важнѣйшихъ, быть можетъ даже самымъ важнымъ полицейскимъ установленіемъ является въ большинствѣ европейскихъ государствъ народная школа. Въ силу дѣйствующаго права—школа эта преслѣдуетъ не столько общенаучныя, сколько религіозно-нравственныя цѣли; вмѣсто того, чтобы на первомъ планѣ внушать подростающему поколѣнію добытыя естественными и историческими науками истины, она выдвигаетъ впередъ защиту господствующихъ соотношеній силъ. Въ зависимости отъ распредѣленія силъ, въ католическихъ странахъ она служитъ преимущественно интересамъ церкви, въ протестантскихъ—интересамъ свѣтскихъ властителей; порядокъ собственности, привилегированныя національности, классы и партіи также находятъ въ народной школѣ дѣятельнѣйшее представительство. Вообще говоря, рѣшающее значеніе имѣютъ въ народной школѣ не интересы учениковъ, а интересы стоящихъ внѣ ея сферъ силы.

Въ мою задачу ни въ коемъ случаѣ не можетъ входить здѣсь хотя бы только поверхностное обсужденіе огромной проблемы народной школы. Я ограничусь поэтому только нѣсколькими отрывочными замѣчаніями, стоящими въ непосредственной связи съ разсмотрѣнными нами выше вопросами.

Если представить себѣ, что съ установленіемъ соціалистическаго общественнаго строя (III, 9) факторы силы, которымъ преимущественно призвана служить современная народная школа, будутъ устранены или въ значительной степени ослаблены, то въ постановкѣ народнаго образованія, свойственной индивидуалистически устроеннымъ государствамъ, немедленно же обнаружится пробѣлъ, совершенно недопустимый въ соціалистическомъ государствѣ. А именно, тотчасъ обнаружится необходимость пополнить народное образованіе самымъ серьезнымъ преподаваніемъ такъ называемыхъ обязанностей къ самому себѣ и по отношенію къ потомству (II, 3): преподаваніе первыхъ нашло бы себѣ правильное пріуроченіе къ дѣтскому и юношескому возрасту, преподаваніе вторыхъ—къ возрасту зрѣлому.

Обученіе дѣтей и молодыхъ людей обязанностямъ въ

отношеніи самого себя должно обнимать такіе предметы, какъ питаніе, одежда, помѣщеніе, физическая опрятность, правильная смѣна труда и отдыха, словомъ, важнѣйшія части гигіены. Свѣдѣнія по этимъ предметамъ соціалистическое государство можетъ давать подростающимъ гражданамъ безъ всякихъ опасеній, чего нельзя сказать о современныхъ государствахъ, которыя, распространяя въ народныхъ массахъ гигіеническія свѣдѣнія, рискуютъ вызвать со стороны этихъ массъ нынѣ неосуществимыя притязанія. Эта часть народнаго образованія безъ сомнѣнія принадлежала бы къ самымъ дѣйствительнымъ и прочнымъ; вѣдь и теперь уже иныя благочестивыя души боятся Бога не больше, чѣмъ бациллъ. А какіе благодѣтельные результаты получались бы отъ основательной освѣдомленности народныхъ массъ по части гигіены,—видно изъ того факта, что скудныя гигіеническія мѣропріятія нашего времени оказались достаточными для того, чтобы въ нѣкоторыхъ крупныхъ городахъ уменьшить смертность населенія наполовину и даже болѣе того по сравненію съ прежними столѣтіями [1]), т.-е. достичь такого улучшенія соціальныхъ условій, съ которымъ не могутъ сравниться никакія услуги государствъ и церквей.

Что касается, далѣе, обученія обязанностямъ по отношенію къ потомству, то, въ виду необходимости останавливаться здѣсь на половыхъ вопросахъ, оно умѣстно только въ зрѣломъ возрастѣ, дѣло обученія котораго соціалистическое государство должно организовать совершенно на такихъ же основаніяхъ, какъ воспитаніе юношества [2]). Преподаваніе должно идти здѣсь въ двоякомъ направленіи. Прежде всего, зрѣлымъ юношамъ и дѣвушкамъ должно быть внушено, что преступно производить дѣтей въ состояніи опьяненія, а тѣмъ болѣе въ томъ случаѣ, когда родители страдаютъ сифилисомъ или другими передающимися на потомство болѣзнями. Еслибъ соціалистическое государство по примѣру нѣкоторыхъ штатовъ Сѣв.-

---

[1]) Такъ, въ Вѣнѣ ежегодная смертность составляла за десятилѣтіе 1800—1810 г. въ среднемъ не менѣе 71, а въ 1890—1900 г.г. только 22, 6 на тысячу жителей. Огромное уменьшеніе смертности обнаруживается еще яснѣе, если сравнить за послѣднее десятилѣтіе худшій и лучшій годъ, именно 1806 съ 89, 4 и 1902 г. съ 19, 2 смертными случаями на тысячу жителей гражданскаго населенія.

[2]) *Menger*. Neue Staatslehre. 2 Aufl. 1904, III, 9.

Американскаго союза вознамѣрилось запретитить браки между лицами съ тяжкими наслѣдственными болѣзнями, то такая нравственная подготовка населенія являлась бы необходимымъ условіемъ этого запрета. Но затѣмъ гражданамъ надлежало бы внушить, что они и въ состояніи полнаго здоровья должны добровольно ограничивать себя въ дѣторожденіи, такъ какъ слишкомъ бо́льшое количество дѣтей не только вредно для семьи, но въ окончательномъ счетѣ связано съ неблагопріятными послѣдствіями и для всего общества. При значительной однородности хозяйственныхъ условій въ соціалистическомъ государствѣ такое обученіе будетъ гораздо успѣшнѣе, чѣмъ при современномъ экономическомъ строѣ съ его ужасными экономическими противоположностями, дѣлающими общее для всѣхъ соціальное образованіе совершенно немыслимымъ.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ рѣчь идетъ не о преобразованіи соціальныхъ соотношеній силъ, а о простомъ обученіи; можно было бы поэтому усумниться въ его практическихъ результатахъ. Мы знаемъ вѣдь, что христіанство въ теченіе тысячелѣтій проповѣдывало безграничную любовь къ ближнему и другія добродѣтели, при чемъ, однако, успѣхи этой проповѣди оказались крайне незначительными. Но здѣсь мы имѣемъ дѣло не съ нравственностью въ собственномъ смыслѣ слова, не съ приспособленіемъ къ господствующимъ соотношеніямъ силъ и дѣятельностью на благо другихъ, а съ такими дѣйствіями, которыя должны вытекать уже изъ простого чувства самосохраненія, при томъ конечно условіи, что дѣйствующій субъектъ отдаетъ себѣ отчетъ въ благотворныхъ послѣдствіяхъ, связанныхъ съ этими дѣйствіями. Но такое пониманіе именно и дается указаннымъ выше обученіемъ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

ДЕМОКРАТИЗАЦІЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ІЕРАРХІИ СИЛЪ.

Коллективная мораль — какъ мы уже знаемъ (I, 6) — стоитъ въ общемъ значительно ниже индивидуальной морали. Въ теченіе тысячелѣтій основатели религій, церкви, школы и семьи удѣляли свое вниманіе нравственности отдѣльныхъ лицъ, старательно уклоняясь при этомъ

отъ всякой критики морали коллективной. Открытое обсужденіе общественныхъ вопросовъ стало возможнымъ въ культурныхъ государствахъ вообще только со времени великой французской революціи и пока оно не оказало еще замѣтнаго вліянія на политику общеній. Нѣтъ поэтому ничего удивительнаго въ томъ, что человѣкъ средняго моральнаго уровня въ ничтожныхъ дѣлахъ индивидуальной жизни, не стѣсняясь, проявляетъ свои животные инстинкты въ крупныхъ вопросахъ коллективной жизни.

Идеалъ коллективной морали былъ бы достигнутъ въ томъ случаѣ, еслибы всѣ расы, національности и государства міра находились въ полномъ равновѣсіи, и еслибъ притомъ и отдѣльныя государства такъ распредѣлили власть между входящими въ ихъ составъ общеніями, чтобы послѣднія не могли вредить ни интересамъ другъ друга, ни интересамъ индивидовъ. Этотъ идеалъ никогда, конечно, не будетъ достигнутъ полностью. Но каждое государство можетъ споспѣшествовать въ своихъ предѣлахъ высшему развитію коллективной морали, по возможности равномѣрно распредѣляя въ населеніи экономическую и политическую власть или, другими словами, демократизируя политическую и хозяйственную іерархію силъ. О демократизаціи экономической жизни мы будемъ говорить въ слѣдующей главѣ (III, 9), здѣсь же я сдѣлаю нѣсколько замѣчаній о вліяніи на моральную жизнь демократическихъ государственныхъ формъ.

Существо политической демократіи состоитъ въ томъ, что всѣ граждане независимо отъ различій образованія, классовой принадлежности и имущественнаго положенія имѣютъ, по крайней мѣрѣ, въ окончательномъ итогѣ,—равную политическую силу, такъ что въ рукахъ общеній и отдѣльныхъ лицъ никогда не можетъ сосредоточиться слишкомъ большое и слишкомъ продолжительное вліяніе. Въ частности, относительно общеній необходимо замѣтить, что при демократическомъ строѣ они лишены возможности злоупотреблять своей силой въ такой мѣрѣ, какъ при господствѣ другихъ государственныхъ формъ. И фактически коллективная мораль въ республикѣ и демократической монархіи находится на несравненно болѣе высокомъ уровнѣ, чѣмъ въ монархіи аристократической и абсолютной. Достаточно вспомнить только о борьбѣ національностей, которая въ Австріи, Россіи, Германіи и даже Великобританіи принимаетъ

подчасъ самыя дикія формы, между тѣмъ какъ въ Швейцаріи и Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки разныя національности мирно противостоятъ другъ другу. Точно также и классовыя противоположности, которыя, напримѣръ, въ аристократической военной монархіи достигаютъ чрезвычайной обостренности и зачастую образуютъ чуть ли не центральный пунктъ всей политики, здѣсь сравнительно мягки и уравновѣшены.

Но благопріятное вліяніе демократическихъ государственныхъ формъ можно прослѣдить не только въ сферѣ коллективной, но и въ сферѣ индивидуальной морали. Ложь, постоянная спутница чрезмѣрной силы, играетъ несравненно менѣе значительную роль, а высокомѣріе находитъ несравненно менѣе благопріятную почву въ демократіи, чѣмъ въ аристократической или абсолютной монархіи съ ея безконечной іерархіей положеній, съ ея орденами, титулами и отличіями. Конечно, я имѣю въ виду здѣсь только установившіяся государственныя формы, такъ какъ политическіе перевороты мало затрагиваютъ моральную жизнь людей.

Свое нравственно - облагораживающее вліяніе демократія не будетъ, однако, въ состояніи обнаружить полностью до тѣхъ поръ, пока въ ней, на основѣ существующаго порядка собственности, будетъ сохраняться аристократія владѣнія съ присущей ей властью. Только по устраненіи или по крайней мѣрѣ по ослабленіи и этого аристократическаго элемента,— можно будетъ надѣяться на всестороннее улучшеніе нравственности.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

ДЕМОКРАТИЗАЦІЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ІЕРАРХІИ СИЛЪ.

Демократизація хозяйственной жизни находитъ свое полное выраженіе въ соціализмѣ. Его основная идея это—право на существованіе, сущность же названнаго права сводится къ тому, что каждому члену общества должны быть предоставляемы, въ соотвѣтствіи съ имѣющимися въ наличности средствами, необходимыя для поддержанія достойной человѣческой жизни вещи и услуги и при томъ ранѣе удовле-

творенія менѣе настоятельныхъ потребностей другихъ людей [1]). Соціализмъ стремится такимъ образомъ только къ широкой экономической однородности, но не къ полному равенству всѣхъ членовъ общества. Есть, впрочемъ, соціалистическія системы, которыя стремятся и къ этой послѣдней цѣли, но представляется весьма мало вѣроятнымъ, чтобы онѣ могли осуществиться [2]).

Соціализмъ, какъ и полититическая демократія, долженъ существенно видоизмѣнить нынѣшнюю коллективную мораль. При его господствѣ исчезнутъ или будутъ значительно ослаблены военные, политическіе и религіозные идеалы нашего времени, и ихъ мѣсто займетъ, въ качествѣ конечной цѣли, усовершенствованіе человѣчества въ моральномъ, научномъ и художественномъ отношеніи [3]). Теперь каждое общеніе должно быть прежде всего сильнымъ, такъ какъ главная его задача заключается въ отстаиваніи своихъ интересовъ и въ подчиненіи себѣ чужихъ, когда же утвердится соціализмъ, то оно будетъ довольствоваться стремленіемъ къ высшему совершенству. Конечно, борьба между общеніями никогда не прекратится совершенно и при господствѣ соціализма, но она безъ сомнѣнія приметъ тогда менѣе суровыя и эгоистическія формы.

Еще болѣе глубокое вліяніе окажетъ соціализмъ на индивидуальную мораль, такъ какъ тутъ—въ противоположность политикѣ—онъ будетъ сопровождать индивида на каждомъ шагу его повседневной жизни.

Прежде всего соціализмъ сдѣлаетъ возможнымъ между людьми любовь и братство. Христіанство въ теченіе двухъ тысячелѣтій проповѣдывало безграничную любовь къ ближнему, но безуспѣшно, такъ какъ одновременно оно санкціонировало порядокъ собственности, военное государство, абсолютизмъ и другія разобщающія людей учрежденія. Соціализмъ же смягчитъ или даже вовсе устранитъ экономическія противорѣчія и такимъ образомъ уничтожитъ раздѣляющія общество перегородки. Народъ почувствуетъ себя тогда единымъ великимъ трудовымъ общеніемъ, гдѣ общій успѣхъ совпадаетъ съ пользою каждаго отдѣльнаго индивида, благодаря чему

---

1) *Menger*. Neue Staatslehre, 2 Aufl. 1904, II, 7.
2) *Menger*, Neue Staatslehre, I, 4, 11.
3) *Menger*. Neue Staatslehre, III, 9.

и возникнетъ основа для развитія истинной любви къ ближнему. Правда, эгоизмъ останется и при соціалистическомъ устройствѣ общества важнѣйшимъ стимуломъ человѣческихъ дѣйствій, ибо никогда человѣкъ не будетъ любить своихъ безчисленныхъ ближнихъ какъ самого себя; тѣмъ не менѣе при господствѣ соціализма въ душѣ людей откроется широкій просторъ и для того, что мы называемъ братствомъ и любовью къ ближнему.

Но установленіе соціалистическаго строя должно оказать глубокое вліяніе и на другія стороны моральной жизни,—такъ, прежде всего на порокъ корыстолюбія, который вмѣстѣ съ его развѣтвленіями является, быть можетъ, важнѣйшимъ стимуломъ дѣятельности въ нашемъ современномъ обществѣ. Уничтоживъ нетрудовой доходъ, соціализмъ лишитъ этотъ порокъ его корней и распространитъ во всѣхъ классахъ общества ту трезвую нетребовательность, которую мы и теперь уже наблюдаемъ въ чиновничьихъ, офицерскихъ и другихъ семьяхъ съ постояннымъ доходомъ (II, 7). Нельзя не предвидѣть и того, что въ сферѣ брачной и внѣбрачной половой жизни должна совершенно исчезнуть, съ утвержденіемъ соціализма, половая любовь за деньги или изъ-за денежныхъ соображеній (II, 8), позорящая нашу цивилизацію.

Такимъ образомъ, старая связь между правомъ и нравственностью, почти совершенно разорванная въ наше время, съ установленіемъ соціалистическаго строя вновь станетъ болѣе тѣсной. Средневѣковой церкви противоположность между правомъ и моралью была совершенно чужда; въ дѣйствующихъ еще и теперь церковныхъ кодексахъ, относящихся къ XII—XIV в., пестро смѣшаны правовыя и этическія нормы. Впослѣдствіи право развилось въ огромный, до мельчайшихъ деталей разработанный аппаратъ, между тѣмъ какъ этика постепенно превратилась въ жалкій, малозначущій въ практической жизни, придатокъ. И въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, такъ какъ право и оффиціальная мораль христіанства никогда не выходили изъ самыхъ рѣзкихъ противорѣчій. Только съ введеніемъ соціалистическаго строя обѣ великія области морали, принудительное право и непринудительная нравственность вновь сольются въ одно гармоническое, чуждое противорѣчій, цѣлое.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

ОРГАНИЗАЦІЯ ОБЩЕСТВЕННАГО МНѢНІЯ.

Мы указывали уже выше (I, 3) на общественное мнѣніе, какъ на одинъ изъ факторовъ силы, создающихъ нравственность. Оно совершенно независимо отъ религіозной догмы и проявляетъ свое вліяніе повсюду, даже тамъ, гдѣ остальные нравственные факторы силы, въ частности государство и церковь, не имѣютъ никакого вліянія. И это теперь, когда о какой-либо хоть сколько-нибудь прочной организаціи общественнаго мнѣнія не можетъ быть рѣчи. Есть полное поэтому основаніе утверждать, что когда общественное мнѣніе получитъ желательную организацію, то значеніе его, какъ фактора силы, возрастетъ колоссально.

Основныя черты новой организаціи общественнаго мнѣнія въ цѣляхъ реформы нравственности уже развиты мною въ моемъ „Новомъ ученіи о государствѣ“ [1]). Тамъ я указываю между прочимъ, что соціалистическое государство, черезъ посредство независимыхъ органовъ, будетъ издавать пораіонныя оффиціальныя газеты, въ которыхъ каждому гражданину предоставлено будетъ право обличать безнравственныя дѣйствія, направленныя противъ общественнаго блага, и потерпѣвшему— безнравственныя дѣйствія частнаго характера. Въ соотвѣтствіи съ существомъ нравственности, дѣйствія безнравственныя должны влечь за собою оглашеніе ихъ во всеобщее свѣдѣніе и никакихъ другихъ наказаній. Законодательство должно дать детальныя опредѣленія о томъ, въ какихъ случаяхъ требуется представленіе доказательствъ истинности публикуемыхъ фактовъ и когда допускается опроверженіе опубликованныхъ уже фактовъ.

Та же цѣль могла бы быть достигнута также путемъ огласки и осужденія безнравственныхъ дѣйствій, нарушающихъ чужіе интересы, въ публичныхъ засѣданіяхъ общины или въ особыхъ народныхъ собраніяхъ. Порядокъ этотъ подъ именемъ критицизма долгое время существовалъ въ нѣкоторыхъ коммунистическихъ общинахъ Сѣверной Америки.

---

[1]) *Menger*, Neue Staatslehre, 2 Aufl. 1904. I, 8.

Люди, не способные отрѣшиться отъ современныхъ понятій, придутъ въ ужасъ отъ мысли, что при такого рода учрежденіяхъ многія дѣйствія индивидуальной жизни, до сихъ поръ сохранявшіяся въ строгой тайнѣ, сдѣлаются достояніемъ широкой гласности. Мы привыкли разсматривать въ правовой сферѣ наши частныя права, а въ этической—нашу частную и семейную жизнь, какъ нѣчто замкнутое, недоступное для какого бы то ни было вмѣшательства извнѣ. Но подобно тому, какъ съ введеніемъ соціалистическаго строя всѣ наши частныя права должны превратиться въ публичныя [1]), также точно и наши частныя дѣйствія должны пріобрѣсти публичный характеръ, поскольку они нарушаютъ сферу чужихъ интересовъ и такимъ образомъ получаютъ значеніе для болѣе широкихъ круговъ.

Вообще, въ соціалистическомъ обществѣ мораль, непринудительная нравственность, должна сдѣлаться гораздо болѣе значительнымъ факторомъ мирнаго сосуществованія людей, чѣмъ въ настоящее время. Въ нашемъ современномъ обществѣ дѣятельность широкихъ массъ населенія опредѣляется главнымъ образомъ матеріальными потребностями; кто не работаетъ въ точномъ соотвѣтствіи съ требованіями экономически сильныхъ, тому неизбѣжно грозитъ нужда. Бичъ голода—вотъ что фактически господствуетъ въ нашемъ обществѣ. Поэтому соціальныя отношенія людей нормируются почти исключительно строгимъ, до мельчайшихъ деталей разработаннымъ, правопорядкомъ, рядомъ съ которымъ провѣдуется, правда, и чрезвычайно широкая мораль, но она очень мало соблюдается и не приноситъ особой пользы. Въ соціалистическомъ обществѣ, гдѣ весь народъ является одновременно и работодателемъ и рабочимъ, нравственность, напротивъ того, должна достигнуть неизмѣримо большаго значенія и стать рядомъ съ правопорядкомъ, какъ его родная сестра. Было бы весьма умѣстно, если бы теоретики соціализма своевременно удѣлили вниманіе этой великой метаморфозѣ.

---

[1]) *Menger*, Neue Staatslehre, II, 1.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Мы видѣли, что введеніе соціалистическаго строя должно поднять практическую нравственность во всѣхъ сферахъ жизни значительно выше ея теперешняго уровня. И тѣмъ не менѣе соціализмъ и въ прежнее и въ новое время упрекаютъ въ томъ, что онъ стремится разрушить этическія основы государства и общества. Но мы знаемъ, что ложь повсюду слѣдуетъ за силой, и этотъ упрекъ насъ удивить не можетъ. Вѣдь и христіанство, которое до побѣды своей надъ язычествомъ въ IV вѣкѣ могло съ извѣстнымъ правомъ называться религіей любви, римляне упрекали въ человѣконенавистничествѣ [1]).

Въ моральной эволюціи западнаго культурнаго міра можно различать три стадіи: во-первыхъ, эпоху народныхъ религій у грековъ, римлянъ, германцевъ и славянъ; во-вторыхъ—эпоху христіанства; и наконецъ, въ третьихъ,—грядущую эпоху соціализма.

Древнѣйшая эпоха заполняется у западныхъ народовъ господствомъ народныхъ религій, которыя, въ противоположность христіанству и другимъ умозрительнымъ религіямъ, не были плодомъ индивидуальнаго измышленія, а выросли постепенно въ теченіе столѣтій изъ внутренняго существа народовъ. Характерна для народныхъ религій та черта, что не будучи организованными церквами въ современномъ значеніи этого слова, онѣ были очень далеки отъ стремленія споспѣшествовать моральному развитію; не даромъ христіанскіе отцы церкви первыхъ вѣковъ упрекали въ безнравственности греко-римскій политеизмъ. Этика должна была, такимъ образомъ, опираться въ античномъ мірѣ на другія соотношенія силъ. Но уже рабство, получавшее свое выраженіе въ абсолютной власти ничтожнаго меньшинства надъ огромнымъ большинствомъ, дѣлало невозможнымъ нормальный этическій строй. Если нѣкоторыя свѣтлыя стороны греко-римскаго міра, въ частности его политическое свободолюбіе, оказали, со времени

---

[1]) *Tacitus*, Annal, XV. 14.

возрожденія, глубокое вліяніе на народныя движенія, напримѣръ, на великую французскую революцію, то эти добродѣтели всегда относились только къ узкому кругу лицъ и интересовъ. Достаточно вспомнить, что огромное большинство населенія римской имперіи находилось въ состояніи рабства и что великій борецъ за свободу, Брутъ, былъ въ своей частной жизни жестокимъ ростовщикомъ [1]).

Второй ступенью моральнаго развитія западныхъ народовъ явилось введеніе христіанства. Послѣднее повсюду приняло прочную церковную организацію, оказывающую, какъ важный соціальный факторъ силы, значительное вліяніе на моральную жизнь, несмотря на то, что главы всѣхъ вѣроисповѣданій со времени побѣды христіанства придерживались преимущественно политики „господъ". Но христіанская церковь никогда не ставила себѣ задачей серьезную реформу соціальныхъ соотношеній силъ, даже когда послѣднія оказывали самое разрушительное вліяніе на практическую нравственность. Между прочимъ за все время своего преобладающаго вліянія христіанская церковь ни разу не возстала противъ института рабства и крѣпостного права,—чему тѣмъ менѣе поводовъ удивляться, что само евангеліе рекомендуетъ рабамъ не только терпѣніе и внѣшнее повиновеніе, но и рабское міросозерцаніе [2]). Только эпоха просвѣщенія XVIII и XIX вѣка фактически уничтожила оба эти института, замѣнивъ ихъ, однако, равно несостоятельной системой наемнаго труда. Къ этому присоединяется еще, что съ распространеніемъ опытнаго знанія вліяніе христіанской церкви все болѣе и болѣе съуживалось и что предусматривается уже моментъ, когда она потеряетъ свое вліяніе и на народныя массы. Въ конечномъ счетѣ, такимъ образомъ, эта огромная организація сдѣлается для практической морали совершенно излишней.

Наконецъ, третью ступень моральнаго развитія западнаго культурнаго міра составитъ соціализмъ, который вслѣдствіе изсякновенія христіанской жизни сдѣлался такою же историческою необходимостью, какъ нѣкогда христіанство, вслѣдствіе разложенія языческаго міра. Соціалистическая этика

---

[1]) Сн. напр. *Cicero*. Ad. Att. V, 21; VI 1 и 2.

[2]) Ср. Павла I Кор. 7, 20—24, I Тим. 6, 1—2; Тит. 2, 9—10; I Петр. 2, 18—21.

отказывается отъ всякой религіозной основы,—отъ представленія, что велѣнія нравственности исходятъ отъ божества,—отъ надежды на загробную жизнь, гдѣ дѣйствія человѣка найдутъ справедливую награду и возмездіе. За то соціализмъ такъ преобразуетъ традиціонныя соотношенія силъ, что изъ реформированной іерархіи ихъ неизбѣжно возникнетъ болѣе высокая моральная жизнь. Соціализмъ можетъ, такимъ образомъ, надѣяться, что создастъ нравственность, гарантированную отъ ослабленій религіознаго сознанія и потому способную къ непрерывному развитію по пути къ нравственнымъ идеаламъ человѣчества.

Въ настоящее время соціалистическая мораль представляется намъ высшимъ идеаломъ чисто человѣческой нравственности, свободной отъ какой бы то ни было догматической вѣры. Но мы далеки отъ христіанскаго самомнѣнія и не дерзаемъ думать, чтобы проблемѣ человѣческой нравственности міровая исторія когда либо сказала свое послѣднее слово.

КОНЕЦЪ.